

2018 №3

История российской психологии в лицах: Дайджест

Электронный научный журнал проекта
"История российской психологии в лицах"

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№ 3 2018

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Senior Lecturer of Department of Psychology, Kosygin Russian State University; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University "Higher School of Economics Nizhny Novgorod"; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich (Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teuring» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018. № 3. 70 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. 2018. № 3. 70 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 01.12.2018

© Авторы статей, 2018

Содержание

От редакции..... 8

Российские психологические зарубежье

Масоликова Н.Ю. 1917 год в жизни российских психологов-эмигрантов первой волны..... 11

Digital Humanities

Костригин А.А., Мазина К.Н. Истоки и актуальность возникновения когнитивной психологии (Digital Humanities в истории психологии) 19

Костригин А.А., Некрасова А.С., Демещук Э.Л. Цифровая история психологии: использование понятия «бессознательное» в русскоязычной литературе 31

История и методология психологии

Вышкварцев В.В. Юрико-психологические особенности концепции «социальной символики» М.А. Рейснера 42

Стоюхина Н.Ю. Психология в послевоенной советской школе: забота партии о детях..... 49

Table of contents

Editorial 8

Russian Psychological Abroad Community

Masolikova N.Yu. 1917 in the life of Russian psychologists-emigrants of the first wave..... 11

Digital Humanities

Kostrigin A.A., Mazina K.N. Origins and relevance of emergence of cognitive psychology (Digital Humanities in history of psychology)..... 19

Kostrigin A.A., Nekrasova A.S., Demeschuk E.L. The digital history of psychology: the use of the concept of "unconscious" in Russian-language literature 31

History and methodology of psychology

Vyshkvartsev V.V. Legal and psychological features of the «social symbolism» concept by M.A. Reisner..... 42

Stoyukhina N.Yu. Psychology lessons in Soviet schools after the war: the party's concern for children 49

От редакции

Уважаемые читатели!

В настоящее время историко-психологические исследования в отечественной науке проводятся по достаточно широкому ряду направлений:

- теория и методология историко-психологических исследований;
- история психологических идей;
- история психологических проблем;
- биографические исследования;
- история советской психологии;
- история российского психологического зарубежья;
- количественные историко-психологические исследования и Digital Humanities, и др.

Это многообразие историко-психологических проблем обсуждается и на ведущих конференциях по истории психологии [1; 2; 3; 4; 5], одна из которых прошла совсем недавно – Всероссийская научная конференция «Кросс-культурные и междисциплинарные исследования в истории психологии: результаты и перспективы» (памяти Кольцовой В.А.) (24-25 ноября 2018 г.).

Наш журнал так же стремится к представлению наиболее широкой проблематики в исследованиях по истории психологии. Данный номер содержит в себе следующие разделы и материалы:

1) Рубрика «Российское психологическое зарубежье»:

- Н.Ю. Масоликова рассматривает значение Октябрьской революции для российского зарубежья и описывает события, происходившие в жизни русских психологов-эмигрантов до и после 1917 г.;

2) Рубрика «Digital Humanities»:

- А.А. Костригин и К.Н. Мазина анализируют актуальность идей когнитивной психологии для научного психологического сообщества в год ее возникновения (1967) с помощью контент-анализа статей психологического журнала *Psychological Review*;

- А.А. Костригин, А.С. Некрасова и Э.Л. Демещук анализируют упоминания термина «бессознательное» в корпусе русскоязычных текстов в системе Google Books с 1800 по 2000 гг. и выдвигают гипотезы относительно высокой или низкой частоты упоминаний слова;

3) Рубрика «История и методология психологии»:

- В.В. Вышкварцев рассматривает особенности концепции «социальной символики», сформулированной одним из основоположников социальной психологии в СССР, юристом и историком религии М.А. Рейснером;

- Н.Ю. Стоюхина рассматривает историю введения уроков психологии в среднюю школу в СССР после Великой отечественной войны и анализирует содержание и особенности психологии как учебного предмета в советской школе.

Уважаемые коллеги! Приятного чтения! Надеемся увидеть вас среди авторов нашего журнала!

Редакция

Список литературы:

1. Богданчиков С.А., Ракитина О.В. Первый всероссийский форум историков психологии «История советской психологии: проблемы исследования, достижения, перспективы» // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018. № 2. С. 150-156.
2. Всероссийская конференция «История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций» (VI Московские встречи по истории психологии, 30 июня -02 июля 2016) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 3. С. 90-91.
3. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 2. С. 151-159.
4. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. К истории международных конференций по истории психологии «московские встречи» // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее Материалы Международной конференции по истории психологии Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. 2010. С. 9-15.
5. Чердакова М.М., Костригин А.А. Библиометрический анализ публикаций в сборниках материалов конференции «История отечественной и мировой психологической мысли (Московские встречи по истории психологии)»

(2006, 2009, 2016) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 4. С. 25-37.

References:

1. Bogdanchikov S.A., Rakitina O.V. Pervyi vserossiiskii forum istorikov psikhologii «Istoriya sovetskoï psikhologii: problemy issledovaniya, dostizheniya, perspektivy» // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2018. № 2. S. 150-156.
2. Vserossiiskaya konferentsiya «Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: sud'by uchenykh, dinamika idei, sodержание kontseptsii» (VI Moskovskie vstrechi po istorii psikhologii, 30 iyunya -02 iyulya 2016) // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2016. № 3. S. 90-91.
3. Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N. Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: postigaya proshloe, ponimat' nastoyashchee, predvidet' budushchee // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2006. T. 1. № 2. S. 151-159.
4. Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N. K istorii mezhdunarodnykh konferentsii po istorii psikhologii «moskovskie vstrechi» // Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli: tsenit' proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii po istorii psikhologii Otvetstvennye redaktory: A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova, Yu.N. Oleinik. 2010. S. 9-15.
5. Cherdakova M.M., Kostrigin A.A. Bibliometricheskii analiz publikatsii v sbornikakh materialov konferentsii «Istoriya otechestvennoi i mirovoi psikhologicheskoi mysli (Moskovskie vstrechi po istorii psikhologii)» (2006, 2009, 2016) // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2017. № 4. S. 25-37.

Российское психологическое зарубежье

1917 год в жизни российских психологов-эмигрантов первой волны¹

Масоликова Наталья Юрьевна

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Россия

e-mail: nmasolikova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ биографий представителей российского психологического зарубежья первой волны в связи с революционными событиями 1917 года в России.

Ключевые слова: российское научное зарубежье первой волны, российское психологическое зарубежье, история отечественной психологии, революция 1917 года.

The Russian revolution of 1917 as a part of biographies of Russian psychologists-emigres

Masolikova Natalia Yurievna

Aleksandr Solzhenitsyn Center for Russia Abroad, Russia

e-mail: nmasolikova@gmail.com

Abstract. The article analyzes influence of the Russian revolution of 1917 on the biographies of the Russian psychologists-emigres of the first wave.

Keywords: First-Wave Russian Academic Diaspora, Russian Psychological Abroad, History of Russian Psychology, Russian revolution of 1917.

Данное сообщение предлагает ознакомление с промежуточными исследовательскими результатами в рамках комплексного изучения состава российского научного зарубежья, в том числе психологического, первой половины XX в., проводимого в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына.

¹ (Материал был представлен автором на семинаре «Неизвестные страницы истории российской психологии» Фестиваля наук в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 20 февраля 2017 г.)

На сегодняшний день мы имеем возможность оперировать 85 фамилиями персоналий – ученых, мыслителей, общественных деятелей – имевших отношение к развитию отечественной психологии в первой половине XX в. и покинувших Россию по тем или иным причинам. Подчеркнем – именно фамилиями, так как на сегодня не во всех случаях имеются полноценные биобиблиографии. Это подтверждает уже высказываемый нами ранее тезис о том, что, не смотря на признанное влияние, которое российская научная диаспора оказала на течение мировой научной мысли, развитие многих национальных научных сообществ и гражданских обществ в начале прошлого столетия, персональные труды, карьеры и судьбы ученых-эмигрантов остаются фрагментарно изученными.

Известно, что в Российской империи к моменту начала революционных событий 1917 г. институционализация психологии как самостоятельной науки находилась еще в процессе, в движении и не была окончательно оформлена. В ее системообразовании участвовали на тот момент представители различных сообществ – врачи, психиатры, педагоги, философы, юристы, писатели. Не будучи психологами по образованию, они вносили свой вклад посредством создания научных трудов в смежных с психологией областях или же целенаправленно в поле психического, посредством совместных с психологами исследований, а также в контексте благотворительной, общественной и организационной деятельности в этой сфере знания. Схожая многогранность была присуща в этот период и направлениям исследований – от известного драматического соперничества между старожилками-философами и нарождающимися экспериментаторами в деле познания человеческой природы, через надушенный психоаналитическими воззрениями еще открытый воздушный коридор взаимодействий с мировой наукой, к захватывающим и одновременно тревожащим идеям построения Нового человека в новых надвигающихся реалиях. Подобные научно-исторические обстоятельства обусловили особый профессиональный облик отечественного психологического сообщества, в том числе и его будущее зарубежное крыло, а также подход к комплектованию нами биобиблиографического материала.

Учитывая современный повышенный общественный интерес и исследовательско-исторический накал, вызванные 100-летием русской революции 1917 г., нам показалось небезынтересным взглянуть на биографии ученых-психологов-эмигрантов сквозь призму этого события - как именно связаны в их жизненных сценариях эмиграция и революция?

Анализ биографий, изначально представленных в материале для пилотного выпуска биобиблиографического словаря «Российское научное

зарубежье. Психологические науки XIX-первая половина XX века» [3], дает нам возможность проследить несколько групп, в составе которых наши персоналии подошли и пережили переломный исторический момент в России. Заметим, что деление на группы весьма условно – это скорее некие течения, тенденции, так как зачастую одна и та же биография дает нам материал по нескольким критериям сразу. Тем не менее, выделенные специфические характеристики, которые легли в основание групп, достаточно четко прослеживаются в биографических портретах. В случае многослойности характеристик той или иной персоны, в качестве определяющей мы опирались на наиболее продолжительную из них по времени.

Первая выделенная нами группа – **ученые, эмигрировавшие до 1917 г.** (13% от общего состава персоналий). Мы встречаем истории отъезда из страны в детском или юношеском возрасте, в составе и по решению семьи. Подобная жизненная траектория, например, представлена в биографии швейцарского невропатолога и нейропсихолога К.И. Монакова (1853-1930), покинувшего Российскую Империю ребенком, вместе с семьей. В этой же группе представлены примеры выбора иного места проживания в связи с началом обучения в зарубежном университете - например, будущий известный американский культурный антрополог и социолог А.А. Гольденвейзер (1880-1940), автор работы «History, Psychology and Culture» (New York, 1933), уехал в США в 1900 году в 20-летнем возрасте для поступления в Гарвардский университет. Значительно реже мы сталкиваемся с примерами сознательного переезда в зрелом возрасте, как в случае, например, с библиопсихологом Н.А. Рубакиным (1861-1946), уехавшим в Швейцарию в 1907 г. в возрасте 46 лет.

Вторая, наибольшая, группа – **эмиграция представителей психолого-педагогического крыла после 1917 г.** (80%). Не смотря на объединяющий фактор произошедших в этот период социально-политических перемен, индивидуальные обстоятельства выезда из страны внутри этой группы имели свои особенности.

Мы наблюдаем несколько течений, лидирующее из которых – ученые, принявшие решение об отъезде сознательно и выехавшие самостоятельно. Возможность легального выезда реально существовала в первые годы советской власти. Так, Е.В. Антипова (1892-1974), педолог, будущий бразильский психолог и общественный деятель, в 1923 г., будучи психологом-обследователем Центрального Карантинно-Распределительного Детского Пункта в Петрограде, еще свободно рассуждает в переписке с мужем, писателем В.Я. Ирецким, чуть ранее высланным из страны, о возможности

переехать к нему в Германию с малолетним сыном [2] (и легально осуществляет этот план годом позже). В других случаях присутствовал прямой риск для жизни. Так, например, историк и философ Г.М. Катков (1903-1985), исследовавший вопросы психологии в пражский период эмиграции, был вынужден пересекать российскую границу с Польшей тайно, по воспоминаниям его дочери, переодевшись в крестьянскую одежду [1]. Для эмиграции в подавляющем большинстве использовались частные финансовые ресурсы и связи. Одновременно мы встречаем и способы смены страны проживания путем принятия приглашения на временную работу от иностранных партнеров или не возвращения из рабочей командировки. Так, физиолог и психолог В.А. Анри (1872-1940) покинул Петроград в 1919 г., выехав во Францию в качестве члена комиссии по закупке оборудования и литературы для созданного в 1918 году Государственного оптического института. Один из первых детских психоаналитиков и основателей психоаналитического движения в Израиле М.В. Вульф (1878-1971), будучи научным сотрудником Государственного психоаналитического института и президентом Русского психоаналитического общества, в 1927 г. выехал в Берлин в командировку и в СССР уже не вернулся. Эмиграция в составе семьи, в детском возрасте встречается и в этот период – это истории А.Б. Рапопорта (1911-2007), виднейшего представителя операционализма, специалиста по экспериментальной психологии, применившего одним из первых теорию игр для психологического анализа, в 1922 г. эмигрировавшего с родителями в США в 11-летнем возрасте, или петербурженки Е.М. Ганфман (1905-1983), а позднее американского социо- и патопсихолога, коллеги К. Коффка и Я. Казанина, оказавшейся с родителями в возрасте 15 лет сначала в Ковно (Каунас, Литва), а в 1922 г. – в Берлине.

Отдельную подгруппу составили специалисты, в чьих историях присутствует обстоятельство «был эвакуирован» (что не всегда, как нам кажется, могло предполагать однозначную, решительную личную готовность к отъезду из страны). Таким примером служит жизненный сценарий Н.А. Ганса (1888-1969), британского историка образования, педагога, психолога, общественного деятеля, до последнего момента с энтузиазмом выполнявшего свои обязанности в Одесской городской Думе и на поприще преподавания, эвакуированного, благодаря семейному союзу с гражданкой Великобритании, английским флотом в 1920 г. в ходе захвата города Красной армией.

Пожалуй, самой известной (немногочисленной по количеству, но более чем весомой по качеству) является подгруппа ученых-гуманитариев,

высланных из страны против их воли и ставших пассажирами печально известного «философского парохода». Отметим, что, применительно к психологии, высылке подверглись психологи-мыслители (например, С.Л. Франк (1877-1950), Б.П. Вышеславцев (1877-1954), Н.О. Лосский (1870-1965)), лидеры направлений в своих областях науки (например, психиатр Г.Я. Трошин (1874-1938), специалист по философии и психологии научного и художественного творчества И.И. Лапшин (1870-1952)).

Небольшую, но специфическую подгруппу составили имена ученых мужей, вставших на путь открытой и активной оппозиции новому режиму и принимавших участие в Белом движении. Представителями этой прослойки, например, были будущий доктор психологии (а в период гражданской войны – так называемая «майкопская атаманша») Н.Ф. Бурова (1894-1998), автор научных трудов по истории, теории и психологии военного дела, генерал-лейтенант Н.Н. Головин (1875-1944), автор учебного пособия по социальной психологии, товарищ министра народного просвещения в правительстве адмирала А.В. Колчака Г.К. Гинс (1887-1971) и др.

Третья выделенная нами группа была обозначена как «**особые истории**» (4%). Минимальная по количеству, она аккумулировала биографии ученых, совершивших в некотором смысле исторические кульбиты на своем жизненном пути, и чьи истории уникальны по своим обстоятельствам. Здесь представлены ученые-возвращенцы, прожившие за рубежом существенное количество лет и по разным причинам вернувшиеся на Родину, а также оказавшиеся за границей иными «не стандартными» путями. Драматическим примером служит судьба С.Н. Шпильрейн (1885-1942), задолго до 1917 г. покинувшей Российскую империю в статусе психиатрического пациента, вернувшейся уже в Российскую Федерацию авторитетным исследователем-психоаналитиком и трагически погибшей за свою Родину, национальность и семью. Менее тиражируемая, но наполненная не меньшим накалом страстей – биография религиозного философа и психолога Ивана Пименовича Четверикова (1880-1969), чья судьба не содержит однозначных объяснений его непростых жизненных выборов [4]. Стажировавшись в начале своего пути в Германии, позднее он окажется в этой стране в качестве военнопленного; точно также, найдя свое призвание в религиозной философии, Четвериков попытался уйти или расширить свои границы познания (а, возможно, просто выжить) через педологию, экспериментальную психологию, психотехнику, педагогику, все же вернувшись позднее в лоно религии.

«**Отсутствие информации**» – данный критерий очертил четвертую малочисленную группу. Она составила 3% и выделила ряд имен, чьи

подробные биографические данные, в том числе и персональные причины эмиграции, остаются пока неизвестными (например, Л.Г. Вальтер (1889-1938?), С.Я. Верещака (1899-1935?), А. Иванов (1897-1962)).

Приведенный тематический анализ биограмм представителей отечественной психологической школы в зарубежье позволяет нам сделать некоторые обобщения.

Произошедшие революционные события в 1917 г. в России не вызвали массовой или централизованной оппозиции в формирующемся отечественном психологическом сообществе. Более того, в первые годы смены политической власти мы встречаем примеры получения новых должностей, попытки формулирования новых научно-экспериментальных задач или сознательного встраивания, житейского и профессионального, в предложенные социально-политические изменения. Одновременно имеются отдельные прямо-противоположные примеры явного сопротивления, в том числе в составе Белого движения. В подавляющем большинстве известных нам на сегодняшний день случаев причиной смены места проживания и профессионального приложения стали драматические изменения в политическом, социальном и научном мироустройстве нового советского государства, последовавшие уже после революционных событий 1917 г.

Эмиграция среди гуманитариев психолого-педагогического направления в подавляющем большинстве была осознанно-самостоятельным шагом. При этом важно отметить, что насильно выдворенные из страны представители отечественной психологической сферы знания составили касту ее философско-аналитического крыла, а также являлись лидерами направлений.

Несколько заступая за круг очерченных задач данного сообщения, отметим, что профессиональные карьеры подавляющего большинства эмигрировавших ученых и общественных деятелей, напрямую или косвенно связанных с психологией в Российской империи до 1917 г., в той или иной степени состоялись, сохранив свой философско-медико-психолого-педагогический фокус. Интересно, что задача обязательного сохранения русского языка как базового в ежедневной профессиональной деятельности, публикациях или исследованиях специалистов медико-психологического толка просматривается не так остро в отличие, например, от строго педагогического эмигрантского сообщества. Большинство психологов-профессионалов-практиков пошли по пути встраивания индивидуальных карьер, выбирая, скорее, путь ассимиляции, чем адаптации, неизбежно интегрируясь, так или иначе, в мировую науку. При этом, Россия/Советский Союз как страна и государство, русский язык и культура, а также уже приобретенный на Родине

профессиональный опыт зачастую использовались учеными в качестве предметов исследования, сравнения, базы построения последующих научных поисков в иноязычной и межкультурной среде, давали старт новым темам и направлениям. Впрочем, русскость и русскоязычность использовались психологами-эмигрантами также и в качестве предмета прицельной аналитики с ментально-культурологической, социологической, геополитической и военной точек зрения, для построения манипуляционных или пропагандистских технологий, изучения образа «врага», в зависимости от задач новых работодателей и неснижаемого с годами интереса в мире к советскому государству. Однако это – одна из многих тем следующих исследований и дискуссий.

Список литературы:

1. Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Новые свидетельства к биографии историка Георгия Каткова (1903-1985) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 110-117.
2. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 106, 113-114об.
3. Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в./ Авт.-сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
4. Стояхина Н.Ю., Мазиллов В.А. Иван Пименович Четвериков: эпохи жизни // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 108-122.

References:

1. Masolikova N.Yu., Sorokina M.Yu. Novye svidetel'stva k biografii istorika Georgiya Katkova (1903-1985) // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2013. № 4. S. 110-117.
2. RGALI. F. 2227. Op. 1. D. 121. L. 106, 113-114ob.
3. Rossiiskoe nauchnoe zarubezh'e: Materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya. Vyp. 2 [Pilotnyi]: Psikhologicheskie nauki: XIX – pervaya polovina XX v./ Avt.-sost. N. Yu. Masolikova, M. Yu. Sorokina. M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2010.
4. Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A. Ivan Pimenovich Chetverikov: epokhi zhizni // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2018. № 2. S. 108-122.

Сведения об авторе:

Масоликова Наталья Юрьевна, ведущий научный сотрудник отдела истории русского зарубежья, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия)

Digital Humanities

Истоки и актуальность возникновения когнитивной психологии (Digital Humanities в истории психологии)

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Мазина Кристина Николаевна

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия

e-mail: kristina.mazina@bk.ru

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы и перспективы использования методологии Digital Humanities в историко-психологических исследованиях. Целью данного исследования является выявление актуальности идей когнитивной психологии для научного психологического сообщества в год ее возникновения (1967) с помощью контент-анализа статей психологического журнала Psychological Review за 1967 г. В качестве метода мы использовали контент-анализ (с помощью программы Advego). Произведено исследование, отбор и анализ наиболее часто употребляемых психологических терминов в данных статьях журнала. Показаны преимущества и недостатки данного метода в рамках цифровой гуманитарной науки.

Ключевые слова: Digital Humanities, цифровая гуманитарная наука, история психологии, журнал Psychological Review, когнитивная психология, контент-анализ.

Origins and relevance of emergence of cognitive psychology (Digital Humanities in history of psychology)

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Mazina Kristina Nikolaevna

Kosygin Russian State University, Russia

e-mail: kristina.mazina@bk.ru

Abstract. The article discusses the problems and prospects of using the methodology of Digital Humanities in historical-psychological research. The purpose of this study is to identify the relevance of the ideas of cognitive psychology for the scientific psychological community in the year of its emergence (1967) using content analysis of the articles in the psychological journal “Psychological Review” for 1967. We used content analysis (the software Advengo) as a method. The research, selection and analysis of the most frequently used psychological terms in these journal articles were made. The advantages and disadvantages of this method in the framework of digital humanities are shown.

Keywords: Digital Humanities, digital humanitarian sciences, history of psychology, Psychological Review, cognitive psychology, content analysis.

Введение

В настоящее время появляется достаточно много работ по истории психологии [1; 4; 6; 7; 8; 10; 15; 16; 19; 21; 22], в том числе, и те работы, в рамках которых используется методология Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки) [2; 9; 11; 13; 17; 18; 23; 24; 25; 26; 27]. Digital Humanities (DH) – новое направление в количественном анализе культурных объектов и гуманитарного знания, в рамках которого происходит соединение методологии традиционных гуманитарных наук с компьютерными науками, таким образом, мы используем компьютерные инструменты для интеллектуального анализа данных.

DH работает с широким спектром вопросов: 1) соответствие оригинала (артефакта) и цифровой копии; 2) влияние компьютерного приложения, в котором работает исследователь, на теорию интерпретации; 3) создание электронных форм поиска по произведениям; 4) компьютерные системы статистики и классификации; 5) кодирование и перекодирование одного типа информации в другой; 6) моделирование когнитивных процессов и мн. др. [3; 5; 14; 20].

В рамках DH-историко-психологических исследований можно проводить разного рода качественный и количественный контент-анализ психологического текста (количество упоминаний определенных терминов; количество упоминаний имен; соотношение упоминаний различных терминов и имен (на различных языках; в разные периоды); поиск первого упоминания термина и имени и др.).

Данная статья посвящена анализу истоков и актуальности развития когнитивной психологии. Когнитивная психология является относительно молодой, но довольно популярной и прогрессивной, как направление психологической науки возникла в 50-60 годы XX в. Толчком для ее возникновения послужило развитие техники. В эти годы остро стоял вопрос о влиянии субъективных познавательных процессов человека на объективную реальность. Доминирующей проблемой было преобразование информации и предшествующий её отбор. Проблема соотношения информационного и психологического подхода к интеллекту, была поставлена в 1956 г., затем в 60-х была темой острых дискуссий и остается сейчас постоянно присутствующей. Формальным годом возникновения будем считать публикацию работы У. Найссера (1928-2012) «Когнитивная психология» в 1967 г.

Методы и задачи исследования

В рамках данной работы рассматривает следующая историко-психологическая проблема. Возникновение какой-либо новой концепции или парадигмы по-разному встречается научным сообществом; как правило, новые идеи сначала не воспринимаются как перспективные, они проходят «проверку на прочность». Тем не менее, именно возникновение новых идей и их поддержка, вероятно, отражает их актуальность и востребованность. Более того, как самостоятельный подход (парадигма) оформляется значительно позже, чем первые идеи. Взяв в качестве объекта исследования когнитивную психологию, мы хотим установить, насколько когнитивно-психологические идеи и проблемы были актуальными для научного сообщества в год их формального возникновения (1967).

В качестве исследовательского материала мы определили один из наиболее авторитетных международных психологических журналов – Psychological Review (США) (<https://www.apa.org/pubs/journals/rev/index.aspx>), который существует с 1894 г. и в котором публиковались многие значимые для развития психологии работы. Будем считать, что данный журнал является отражением актуальных теоретических и экспериментальных разработок в области психологии.

Данная работа представляет собой пилотное исследование, поэтому анализировалось ограниченное количество материалов. Для анализа использовались статьи журнала за 1967 г. (№ 1). Всего анализировалось 74 статьи. Целью нашего исследования является выявление актуальности идей когнитивной психологии для научного психологического сообщества в год ее возникновения (1967). В качестве метода мы использовали контент-анализ (с

помощью программы Advego). Принципами ДН-методологии выступили: использование баз данных работ по психологии (сайт журнала Psychological Review) и применение компьютерных программ анализа данных (Advego).

Результаты исследования

По результатам контент-анализа статей журнала Psychological Review были выявлены наиболее часто встречаемые термины в научных текстах.

Таблица

Наиболее часто встречаемые слова в научных текстах журнала Psychological Review

№ п/п	Психологический термин	Количество
1	Stimulus (стимул)	788
2	Behavior (поведение)	629
3	Theory теория	524
4	Learn (узнавание)	258
5	Experiment (эксперимент)	401
6	Perception (восприятие)	254
7	Study (исследование)	235
8	Reinforcement (подкрепление)	216
9	Psychology (психология)	212
10	Speech (речь)	202
11	Memory (память)	170
12	Process (процесс)	157
13	Information (информация)	103
14	Decision (решение)	96
15	Fixation of information (фиксация информации)	87
16	Concept (понятие)	31

Среди большого количества слов мы отобрали 16 наиболее часто встречаемых психологических терминов. Анализируя их, мы сможем определить, к какой психологической парадигме они относятся, а значит,

сможем предположить, какая парадигма доминировала в исследованиях рассматриваемого года.

Обсуждение результатов

Проанализируем наиболее часто употребляемые психологические термины в научных статьях в журнале *Psychological Review* за 1967 г.

1. *Стимулы* являются очень важными для изучения нового направления в психологии, поскольку благодаря им происходит какая-либо реакция как в поведении, так и в познавательных процессах. В когнитивной психологии психика рассматривается как система когнитивных реакций, которая осуществляет связь с внешними стимулами. Она изучает усваивание индивидом стимулов из окружающей среды в ходе некоторых активных и творческих процессов. Стимул считают особой энергией, воздействующей на органы чувств. Стимулы внешней среды не воспринимаются как единичные сенсорные события; чаще всего они являются частью более значительного паттерна.

2. *Поведение*. Изначально термин «поведение» пришел из бихевиоризма. Однако в 60-е гг. психологи-когнитивисты пытались понять, как воздействует знание на поведение человека. Когнитивная психология касается всевозможных сфер поведения. Новая дисциплина заявила, что поведение человека является производным мыслительных способностей человека, его убеждений, стереотипов, паттернов мышления.

3. *Теория*. Данный термин не отражает какую-либо принадлежность к определенной психологической парадигме, поэтому отдельно анализировать данный термин не имеет высокой значимости.

4. *Узнавание*. Данное понятие относится к такому психическому процессу, как память, что является одним из центральных объектов изучения в когнитивной психологии.

5. *Эксперимент*. Данный термин не отражает какую-либо принадлежность к определенной психологической парадигме, поэтому отдельно анализировать данный термин не имеет высокой значимости.

6. *Восприятие*. Проблема восприятия является одной из ведущих в когнитивной психологии. Восприятие стало одним из основных объектов изучения. Восприятие рассматривалось как фундаментальный акт, на котором строится основа психики человека.

7. *Исследование*. Данный термин не отражает какую-либо принадлежность к определенной психологической парадигме, поэтому отдельно анализировать данный термин не имеет высокой значимости.

8. *Подкрепление*. Данный термин, как и «поведение», изначально был разработан бихевиористами. Тем не менее, в когнитивной психологии данная концепция используется в обучении. Также в когнитивную психологию также вошли идеи социального бихевиоризма (теория социального научения), в которой подкрепление действий другого человека нами воспринимается для создания моделей/конструктов собственного поведения.

9. *Психология*. Данный термин не отражает какую-либо принадлежность к определенной психологической парадигме, поэтому отдельный анализ его не имеет высокой значимости.

10. *Речь*. Когнитивная психология изучает психологические аспекты речи. Когнитивная теория речи была разработана Ж. Пиаже. Развитие речи зависит от врожденной способности человека к восприятию и интеллектуальной переработке информации. Подтверждением этого является феномен спонтанного словотворчества, наблюдаемый у ребенка.

11. *Память*. Проблема памяти для когнитивной психологии является очень актуальной и одним из главных объектов исследования. Пытались дать определение понятия память. Память понимается как «хранилище» информации, получаемой при помощи ощущений, восприятия и других познавательных процессов. Самыми ранними теориями в когнитивной психологии являются структурные теории, которые больше внимания уделяют структуре памяти и практически не изучают ее как процесс. Различия между семантической и эпизодической памятью были концептуализированы Э. Тульвингом.

12. *Процесс*. Когнитивная психология является разделом психологии, изучающий когнитивные, то есть познавательные процессы человеческой психики.

13. *Информация*. Особенно важным считали изучение получения информации о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания. Термин «информация» являлась важным источником, повлиявшим на возникновение нового направления.

14. *Решение*. Когнитивные психологи пытались изучить как человек принимает решения и что на них влияет. По их мнению, человек принимает решения на основе того, какие конструкты у сформированы и как он предвосхищает события и поведения других людей.

15. *Фиксация информации*. Данный термин в когнитивной психологии тесно связан со структурной теорией Нормана. Структура представляет собой – КП (кратковременная), СП (сопротивление памяти), ДП (долговременная). Вся информация, идущая из вне проходит через КП и либо выталкивается, либо с

помощью повторения переводится в ДП. При переходе в ДП происходит фиксация информации.

16. *Понятие.* Когнитивная психология охватывает большой диапазон психических процессов, одним из которых является формирование понятий.

Дж. Брунер рассматривал формирование понятий как процесс переработки информации. Необходимо различать формирование понятий и их усвоение. Формирование понятий – это просто отличие «того, что похоже» от «того, что непохоже». Различают простые и сложные понятия.

Заключение

Был проведен анализ статей авторитетного психологического журнала *Psychological Review*, выявлены наиболее часто встречаемые психологические термины. Установлено, что большинство относятся к выбранному нами разделу когнитивная психология. Согласно научным статьям рассматриваемого журнала в год формального возникновения когнитивной психологии для научного сообщества соответствующие проблемы были актуальными; проводилось достаточно много исследований, что означает подготовленность психологического сообщества к переходу к новой парадигме в психологии – когнитивной психологии.

Основной интерес новой области представляло исследование когнитивных (познавательных) способностей человека. Возникновение нового раздела психологии было необходимым. Бихевиоризм, психоанализ и другие подходы не были способны дать объяснение всему человеческому поведению и функционированию психики без трактовки познавательных процессов. Широкую популярность приобрела теория, отображающая психику в качестве некоего центра, который может воспринимать конечное число сигналов, исходящих из окружающей среды, и затем переработанных человеческим мозгом. Когнитивная система человека рассматривалась наподобие системы компьютера, с устройствами ввода, вывода и местами хранения информации.

Полученные результаты стоит считать предварительными, т.к. есть некоторые проблемы и ограничения данного пилотного исследования: небольшое количество анализируемого материала (всего 1 журнал, 74 статьи); анализ только статей, не включая монографии (хотя статьи являются более оперативными источниками появления новых идей, для полного анализа необходимо расширить виды источников); анализ только одного журнала (возможно, *Psychological Review* не предоставляет полного отражения положения вещей в психологической науке, что нужно проверить, проанализировав другие крупные журналы); точка отсчета для возникновения

когнитивной психологии (несмотря на то, что, в целом, правомерно считать, что книга У. Найссера «Когнитивная психология», является формальной точкой отсчета, тем не менее, возможно, стоит проанализировать и научные статьи и работы предшествующих лет, чтобы определить момент, когда появился запрос на идеи и проблемы когнитивной психологии).

Учитывая все выше перечисленные проблемы и ограничения нашей работы, мы планируем развивать и в дальнейшем исследования по данной проблематике для получения более надежных результатов.

Список литературы:

1. Артемьева О.А. Научные и идеологические дискуссии в формировании методологического единства советской психологии // Методология и история психологии. 2018. № 2. С. 73–88.
2. Ахутина Т.В., Агрис А.Р., Акинина Ю.С., Евсевичева И.В., Больгина Т.А., Змановский Н.С., Никонова Е.Ю., Обидина В.А., Черкасова З.А., Драгой О.В. Работа над электронной версией архива А. Р. Лурии // Когнитивная наука в Москве: новые исследования Материалы конференции. Под редакцией Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. 2017. С. 481-485.
3. Бородкин Л.И. Историк в мире компьютерных технологий: развитие по спирали? // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. № 8 (41). С. 1.
4. Валуева Е.А., Медынцева А.А., Ушаков Д.В. Развитие представлений об инсайте: главные вехи большого пути // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 245-265.
5. Володин А.Ю. Гуманитарные науки в контексте цифровых вызовов (обзор изданий проекта Мичиганского университета) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 4 (6). С. 99-102.
6. Ждан А.Н. Масштабность личности и деятельности А. Н. Леонтьева (5.02.1903 - 21.01.1979) // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 186-206.
7. Журавлев А.Л., Почебут Л.Г. Развитие социальной психологии в трудах Е.С. Кузьмина (к 95-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 81-91.

8. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Я.А. Пономарев и психология творчества: от классики к современности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 5-11.
9. Зуев К.Б. Основные тенденции изучения семьи в психологии позднесоветского периода (на примере публикаций в «психологическом журнале» с 1980 по 1990 годы) // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2016. № 6. С. 58-67.
10. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психология в годы Великой отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 25. С. 51-58.
11. Костригин А.А., Хусяинов Т.М. Имя Л.С. Выготского как объект Digital Humanities // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 44-66.
12. Костригин А.А. Цифровая история психологии: проблемы и перспективы // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 4. С. 17-24. DOI: 10.5281/zenodo.1161683
13. Костригин А.А. Хусяинов Т.М. Digital Humanities в истории психологии (на примере фамилии В.М. Бехтерева) // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. №1. С. 160-179. doi: 10.5840/dspl20181110
14. Можяева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8-23.
15. Няголова М.Д. Вклад А. В. Брушлинского в критику культурно-исторической теории мышления // Методология и история психологии. 2018. № 2. С. 22–32.
16. Петренко В.Ф. Конструирование истории // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 15-33.
17. Потемкин С.Б., Хасин Л.А., Хасина П.Л., Щедрина Е.В. Анализ тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95-103.
18. Сидоренков А.В. Анализ исследования малых групп в отечественной психологии по публикациям в журналах "Вопросы психологии" и "Психологический журнал" // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 58-67.
19. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Иван Пименович Четвериков: эпохи жизни // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 108-122.

20. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1 (1). С. 005-013.
21. Ушаков Д.В. К 70-летию Б.М. Величковского // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 159-164.
22. Холондович Е.Н. Личность гения как предмет психолого-исторического исследования // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. № 5. С. 51-60.
23. Шведовская А.А., Мешкова Н.В. Библиометрический анализ журнала «Психологическая наука и образование» // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 4. С. 108-116.
24. Шведовская А.А., Мешкова Н.В. Библиометрический анализ журнала «Культурно-историческая психология» // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 106-115.
25. Green C. D. A digital future for the history of psychology? // History of psychology. 2016. Vol. 19. № 3. P. 209.
26. Green C. D., Feinerer I. The evolution of the American Journal of Psychology, 1904-1918: A network investigation // The American journal of psychology. 2016. Vol. 129. № 2. P. 185-196.
27. Greenfield P. M. The changing psychology of culture from 1800 through 2000 // Psychological science. 2013. Vol. 24. № 9. P. 1722-1731.

References:

1. Artem'eva O.A. Nauchnye i ideologicheskie diskussii v formirovanii metodologicheskogo edinstva sovetskoi psikhologii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 2. S. 73–88.
2. Akhutina T.V., Agris A.R., Akinina Yu.S., Evsevicheva I.V., Bol'gina T.A., Zmanovskii N.S., Nikonova E.Yu., Obidina V.A., Cherkasova Z.A., Dragoi O.V. Rabota nad elektronnoi versiei arkhiva A. R. Lurii // Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya Materialy konferentsii. Pod redaktsiei E.V. Pechenkovo, M.V. Falikman. 2017. S. 481-485.
3. Borodkin L.I. Istorik v mire komp'yuternykh tekhnologii: razvitie po spirali? // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal Istoriya. 2015. № 8 (41). S. 1.
4. Valueva E.A., Medyantsev A.A., Ushakov D.V. Razvitie predstavlenii ob insaite: glavnye vekhi bol'shogo puti // Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii // Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Institut psikhologii RAN, 2018. S. 245-265.

5. Volodin A.Yu. Gumanitarnye nauki v kontekste tsifrovyykh vyzovov (obzor izdaniy proekta Michiganskogo universiteta) // Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii. 2013. № 4 (6). S. 99-102.
6. Zhdan A.N. Masshtabnost' lichnosti i deyatelnosti A. N. Leont'eva (5.02.1903 - 21.01.1979) // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 1. S. 186-206.
7. Zhuravlev A.L., Pochebut L.G. Razvitie sotsial'noi psikhologii v trudakh E.S. Kuz'mina (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya) // Psikhologicheskii zhurnal. 2017. T. 38. № 3. S. 81-91.
8. Zhuravlev A.L., Ushakov D.V. Ya.A. Ponomarev i psikhologiya tvorchestva: ot klassiki k sovremennosti // Psikhologicheskii zhurnal. 2015. T. 36. № 6. S. 5-11.
9. Zuev K.B. Osnovnye tendentsii izucheniya sem'i v psikhologii pozdnesovetskogo perioda (na primere publikatsii v «psikhologicheskoy zhurnale» s 1980 po 1990 gody) // Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodeystviya. 2016. № 6. S. 58-67.
10. Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N. Sovetskaya psikhologiya v gody Velikoi otechestvennoi voyny: edinstvo teorii, eksperimenta i praktiki // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2018. T. 25. S. 51-58.
11. Kostrigin A.A., Khusyainov T.M. Imya L.S. Vygotskogo kak ob"ekt Digital Humanities // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2016. № 6. S. 44-66.
12. Kostrigin A.A. Tsifrovaya istoriya psikhologii: problemy i perspektivy // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2017. № 4. S. 17-24. DOI: 10.5281/zenodo.1161683
13. Kostrigin A.A. Khusyainov T.M. Digital Humanities v istorii psikhologii (na primere familii V.M. Bekhtereva) // Tsifrovoye ucheniye: laboratoriya filosa. 2018. T. 1. №1. S. 160-179. doi: 10.5840/dspl20181110
14. Mozhaeva G.V. Digital Humanities: tsifrovoye povorot v gumanitarnykh naukakh // Gumanitarnaya informatika. 2015. № 9. S. 8-23.
15. Nyagolova M.D. Vklad A. V. Brushlinskogo v kritiku kul'turno-istoricheskoy teorii myshleniya // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 2. S. 22–32.
16. Petrenko V.F. Konstruirovaniye istorii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 1. S. 15-33.
17. Potemkin S.B., Khasin L.A., Khasina P.L., Shchedrina E.V. Analiz tendentsii razvitiya psikhologii na osnove vyyavleniya dinamiki chastoty ispol'zovaniya psikhologicheskikh terminov // Voprosy psikhologii. 2015. № 6. S. 95-103.

18. Sidorenkov A.V. Analiz issledovaniya malykh grupp v otechestvennoi psikhologii po publikatsiyam v zhurnalakh "Voprosy psikhologii" i "Psikhologicheskii zhurnal" // Voprosy psikhologii. 2005. № 2. S. 58-67.
19. Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A. Ivan Pimenovich Chetverikov: epokhi zhizni // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2018. № 2. S. 108-122.
20. Taller M. Diskussii vokrug Digital Humanities // Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii. 2012. № 1 (1). S. 005-013.
21. Ushakov D.V. K 70-letiyu B.M. Velichkovskogo // Voprosy psikhologii. 2017. № 5. S. 159-164.
22. Kholondovich E.N. Lichnost' geniya kak predmet psikhologo-istoricheskogo issledovaniya // Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya. 2017. № 5. S. 51-60.
23. Shvedovskaya A.A., Meshkova N.V. Bibliometricheskii analiz zhurnala «Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie» // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2015. T. 20. № 4. S. 108-116.
24. Shvedovskaya A.A., Meshkova N.V. Bibliometricheskii analiz zhurnala «Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya» // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2016. T. 12. № 1. S. 106-115.
25. Green C. D. A digital future for the history of psychology? //History of psychology. 2016. Vol. 19. № 3. P. 209.
26. Green C. D., Feinerer I. The evolution of the American Journal of Psychology, 1904-1918: A network investigation //The American journal of psychology. 2016. Vol. 129. № 2. P. 185-196.
27. Greenfield P. M. The changing psychology of culture from 1800 through 2000 // Psychological science. 2013. Vol. 24. № 9. P. 1722-1731.

Сведения об авторах:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)
Мазина Кристина Николаевна, студент 2 курса по направлению подготовки «Психология», Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Цифровая история психологии: использование понятия «бессознательное» в русскоязычной литературе

Костригин Артем Андреевич

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия

e-mail: artdzen@gmail.com

Некрасова Анна Сергеевна

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия

e-mail: anya_nekrasova_99@inbox.ru

Демещук Элиза Леонидовна

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Россия

e-mail: fox07.04.1999@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы и перспективы использования методологии Digital Humanities в историко-психологических исследованиях. Представлены результаты поиска и анализа упоминаний слова «бессознательное» в корпусе текстов в системе Google Books на русском языке. Выдвигаются гипотезы относительно высокой или низкой частоты упоминаний слова. Показано смысловое изменение слова в различных источниках на протяжении 200 лет.

Ключевые слова: бессознательное, частота, Google Ngram Viewer, Digital Humanities, цифровая история психологии.

The digital history of psychology: the use of the concept of "unconscious" in Russian-language literature

Kostrigin Artem Andreevich

Kosygin Russian State University, Russia

e-mail: artdzen@gmail.com

Nekrasova Anna Sergevna

Kosygin Russian State University, Russia

e-mail: anya_nekrasova_99@inbox.ru

Demeschuk Elliza Leonidovna
Kosygin Russian State University, Russia
e-mail: fox07.04.1999@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems and prospects of using the methodology of Digital Humanities in historical-psychological research. The results of the search and analysis of references to the word "unconscious" in the corpus of Russian texts in Google Books are presented. Hypotheses are put forward regarding the high or low frequency of mentioning the word. The semantic change of the word in various sources over 200 years is shown.

Keywords: unconscious, frequency, Google Ngram Viewer, Digital Humanities, digital history of psychology.

Проблема бессознательного имеет важное значение как в философской, так и психологической мысли. Изучение проблемы бессознательного играет важную роль при описании сознания, креативности и мыслительных процессов [17; 19; 20]. Бессознательное в изначальном смысле, описываемом З. Фрейдом, – это область психического, где содержатся принципиально недоступные для осознания психические явления (мысли, чувства, воспоминания и др.).

Началом философии бессознательного можно считать воззрение А. Шопенгауэра на волю как на подлинную сущность всякого бытия и метафизическую основу всего мироздания [28]. Другую точку зрения имел еще один немецкий философ Э. Гартман. В своей работе «Философия бессознательного», которая вышла в 1868 г. и до 1875 г. выдержала 7 изданий, он ставит основным пунктом этой философии отрицание главенствующей роли разума и утверждение примата воли [7]. Э. Гартман считал, что бессознательное – это пересмотренное представление об Абсолюте (непостижимой для разума духовной субстанции). В его этико-мировоззренческой концепции выражен глубинный пессимизм: если страдания жизни резко превышают удовольствия, то основной задачей следует считать не познание бытия, а достижение небытия.

В русской философии второй половины XIX в. размышления о бессознательном тоже имели место быть. П.Л. Лавров выдвинул несколько гипотез по поводу различных аспектов данной деятельности примерно в то же время, когда была написана «Философия бессознательного» [14]. Лавров рассматривал бессознательное в качестве некоего первоначала мира. В соответствии с этим положением он определил процессы развития человека и человечества как переход от бессознательного к возникновению сознания и

самосознания. Его воззрения на философию истории с ее переходами от бессознательной деятельности к осознанной раскрывались в работе «Что такое антропология» (1860). В этой же работе он раскрыл роль бессознательного в художественном творчестве.

Данные факты свидетельствуют о том, что проблема бессознательного существовала не только в зарубежной философии и психологии, но и в отечественной. Выделяются определенные исторические периоды исследования проблемы бессознательного в отечественной психологии [1]:

1917-1932 – развитие проблемы бессознательного в контексте психоанализа, в общей психологии и в контексте теории установки;

1933-1953 – критика психоаналитических идей;

1954-1991 – поднимается дискуссия относительно установки и бессознательного, дискуссия о природе бессознательного.

Несмотря на то, что, согласно работам, проблематика бессознательного была достаточно актуальной для отечественной, в частности, советской, психологии (проводятся историко-психологические исследования по данной проблеме и по многим другим [2; 5; 8; 10; 16; 18; 23; 25]), существует потребность определить количественные, объективные показатели распространения данного понятия в науке. В настоящее время приобретают все более широкую популярность исследования в рамках Digital Humanities (DH, цифровые гуманитарные науки) [4; 6; 15; 24], которые способствуют объединению количественных и качественных методов в истории психологии [3; 9; 12; 21; 22; 26; 27].

В данной работе приводятся результаты пилотного исследования в рамках цифровой истории психологии. Ставится цель определить частоту употребления понятия «бессознательное» в русскоязычной литературе в период 1800-2000 гг. с помощью метода DH – сервиса Google Ngram Viewer. Подобные работы уже проводились в отношении отечественных психологов [11; 13]. Мы будем указывать процент упоминаний термина «бессознательное» в русскоязычной литературе от общего числа слов. Необходимо также отметить, что, по результатам прошлых наших работ, анализировать весь корпус книг в сервисе Google Ngram Viewer невозможно, поэтому, нами будут указываться только доступные в сервисе книги; одновременно с этим, мы будем высказывать предположение о том, что, очевидно, в других работах происходило активное обсуждение этих книги и идей. Результаты исследования представлены на рисунке.

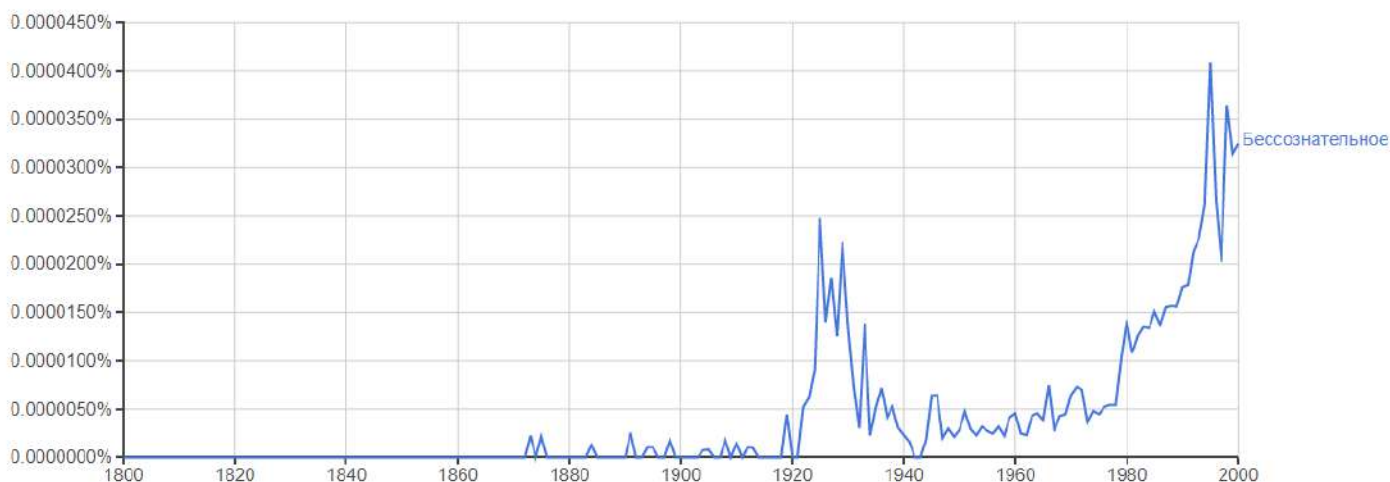

Рис. Частота употребления понятия «бессознательное» в русскоязычной литературе

Согласно графику, в период с 1842 по 1915 гг. можно заметить малое количество упоминаний данного понятия, оно использовалось научной, публицистической и художественной литературе.

Первый достаточно большой скачок на графике наблюдается в 1919 г. (0,0000044687%) и, скорее всего, связан с выходом русского перевода работы З. Фрейда «Очерк истории психоанализа» (1919) и обсуждением данной концепции. Также, по данным сервиса Google Ngram Viewer, употребление термина «бессознательное» встречается в работах С.А. Аскольдова «Гносеология» (1918), П.Н. Сакулина «На грани двух культур. И.С. Тургенев» (1918) и др.

В 1925 г. на графике наблюдается один из самых больших пиков, кривая достигает отметки в 0,0000247919%. Вероятно, это связано с выходом переводов работ З. Фрейда «Основные психологические теории в психоанализе» (1923), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1925), а также выходом работ отечественных авторов по психоанализу: Г.Ю. Малис «Психоанализ коммунизма» (1924), А. Гербстман «Психоанализ шахматной игры» (1925). Все эти работы активно обсуждались. Также распространенность психоаналитической проблематики и темы бессознательного в советской науке в эти годы можно объяснить открытием И.Д. Ермаковым Государственный психоаналитический института в 1923 г.

1929 г. является еще одним значительным пиком на графике (0,0000223078%). В это время выходят работы советских последователей психоанализа: А.Б. Залкинд «Половое воспитание» (1928), «Половое воспитание юных пионеров» (1929) и др.

Следующие изменения графика касается 1929-1942 гг.: происходит падения частоты употребления термина «бессознательное». С 1930-х гг. советская психология критикует психоанализ З. Фрейда и его последователей (А.Б. Залкинд). Для официальной идеологии фрейдизм был неприемлем, т.к психоанализ рассматривал индивида изолированно, не учитывая его связи с обществом.

В 1946 г. отмечается пик употреблений термина «бессознательное». Нет возможности указать отдельные книги по данным сервиса Google Ngram Viewer, поэтому можно предположить, что данная проблематика обсуждалась в рамках медицины, психиатрии, литературы, философии.

Затем отмечаются небольшие колебания упоминаний в пределах одних и тех же частот. Рамки этого периода с 1953-1980 гг. (0,0000781604% - 0,0000660106%). В эти годы обсуждение проблематики бессознательного присутствует в таких работах и изданиях, как:

- Журнал «Вопросы психологии»;
- Б.Ф. Поршнев «Социальная психология и история» (1966);
- Д.Н. Узнадзе «Психологические исследования» (1966);
- И.Е. Вольперт, Д.А. Бирюков «Сновидения в обычном сне и гипнозе» (1966);
- Г.И. Ломидзе «Новый человек, новый гуманизм» (1969);
- Журнал «Вестник московского университета»;
- А.Е. Шерозия «К проблеме сознания и бессознательного психического: Опыт исследования на основе данных психологии установки» (1973);

Начиная с 1980 г. (0,0000142086%) происходит рост частоты употребления термина «бессознательное» в русскоязычной литературе. Упоминания встречаются в таких работах и изданиях, как: журналы «Вопросы психологии», «Философские науки», «Научные доклады высшей школы»; Л.Т. Левчук «Психоанализ и художественное творчество» (1980); Г.Н. Велиев «Проблема бессознательного в философии и психологии» (1984), Л.С. Выготский «Психология искусства» (1986); цикл работ грузинских психологов «Бессознательное: природа, функции, методы исследования»; переводы работ З. Фрейда «Психология бессознательного» (1989); защищаются такие диссертации, как Т.И. Бармашова «Бессознательное в механизмах человеческой деятельности» (1987), И.О. Джиеова «Бессознательное и его значение с точки зрения проблем человека современной эпохи» (1990) и др.

1995 г. – это самая высокая частота упоминания слова «бессознательное» (0,0004081212%). С падением Советского Союза и цензуры издается большое

количество книг, в том числе, по проблематике бессознательного и психоанализа. Последний пик наблюдается в 1998 г. (0,0000364920%).

Таким образом, используя сервис Google Ngram Viewer, мы провели анализ частоты упоминания слова «бессознательное» в истории отечественной психологии. Данное исследование является пилотным, нами получены предварительные результаты, которые в дальнейшем могут подробнее интерпретироваться и использоваться для объяснения положений качественных исследований с помощью количественных показателей.

Список литературы:

1. Абдурахимов К.А. Анализ проблемы сознательного и бессознательного в психологической науке // Наука. Мысль. 2015. № 5. С. 8-17.
2. Артемьева О.А. Научные и идеологические дискуссии в формировании методологического единства советской психологии // Методология и история психологии. 2018. № 2. С. 73–88.
3. Ахутина Т.В., Агрис А.Р., Акинина Ю.С., Евсевичева И.В., Больгина Т.А., Змановский Н.С., Никонова Е.Ю., Обидина В.А., Черкасова З.А., Драгой О.В. Работа над электронной версией архива А. Р. Лурии // Когнитивная наука в Москве: новые исследования Материалы конференции. Под редакцией Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. 2017. С. 481-485.
4. Бородкин Л.И. Историк в мире компьютерных технологий: развитие по спирали? // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. № 8 (41). С. 1.
5. Валуева Е.А., Медынцев А.А., Ушаков Д.В. Развитие представлений об инсайте: главные вехи большого пути // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 245-265.
6. Володин А.Ю. Гуманитарные науки в контексте цифровых вызовов (обзор изданий проекта Мичиганского университета) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 4 (6). С. 99-102.
7. Гартман Э. Сущность мирового процесса, или философия бессознательного: метафизика бессознательного М.: URSS: Ленанд, сор. 2015. 430 с.
8. Ждан А.Н. Масштабность личности и деятельности А. Н. Леонтьева (5.02.1903 - 21.01.1979) // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 186-206.

9. Зуев К.Б. Основные тенденции изучения семьи в психологии позднесоветского периода (на примере публикаций в «психологическом журнале» с 1980 по 1990 годы) // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2016. № 6. С. 58-67.
10. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психология в годы Великой отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 25. С. 51-58.
11. Костригин А.А., Хусяинов Т.М. Имя Л.С. Выготского как объект Digital Humanities // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 6. С. 44-66.
12. Костригин А.А. Цифровая история психологии: проблемы и перспективы // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 4. С. 17-24. DOI: 10.5281/zenodo.1161683
13. Костригин А.А. Хусяинов Т.М. Digital Humanities в истории психологии (на примере фамилии В.М. Бехтерева) // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. №1. С. 160-179. doi: 10.5840/dspl20181110
14. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. Том 1. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1965.
15. Можяева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8-23.
16. Няголова М.Д. Вклад А. В. Брушлинского в критику культурно-исторической теории мышления // Методология и история психологии. 2018. № 2. С. 22–32.
17. Петренко В.Ф. К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89-101.
18. Петренко В.Ф. Конструирование истории // Методология и история психологии. 2018. № 1. С. 15-33.
19. Петренко В.Ф. Перспективы развития психологической школы Выготского - Леонтьева - Лурии в контексте проблематики психосемантики бессознательного // Мир психологии. 2016. № 4 (88). С. 54-67.
20. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного - постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 76-90.
21. Потемкин С.Б., Хасин Л.А., Хасина П.Л., Щедрина Е.В. Анализ тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты

- использования психологических терминов // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95-103.
22. Сидоренков А.В. Анализ исследования малых групп в отечественной психологии по публикациям в журналах "Вопросы психологии" и "Психологический журнал" // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 58-67.
 23. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Иван Пименович Четвериков: эпохи жизни // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 108-122.
 24. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1 (1). С. 005-013.
 25. Холондович Е.Н. Личность гения как предмет психолого-исторического исследования // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. № 5. С. 51-60.
 26. Шведовская А.А., Мешкова Н.В. Библиометрический анализ журнала «Психологическая наука и образование» // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 4. С. 108-116.
 27. Шведовская А.А., Мешкова Н.В. Библиометрический анализ журнала «Культурно-историческая психология» // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 106-115.
 28. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Квадрига, 2015. 591 с.
 29. Green C. D. A digital future for the history of psychology? //History of psychology. 2016. Vol. 19. № 3. P. 209.
 30. Green C. D., Feinerer I. The evolution of the American Journal of Psychology, 1904-1918: A network investigation //The American journal of psychology. 2016. Vol. 129. № 2. P. 185-196.
 31. Greenfield P. M. The changing psychology of culture from 1800 through 2000 // Psychological science. 2013. Vol. 24. № 9. P. 1722-1731.

References:

1. Abdurakhimov K.A. Analiz problemy soznatel'nogo i bessoznatel'nogo v psikhologicheskoi nauke // Nauka. Mysl'. 2015. № 5. S. 8-17.
2. Artem'eva O.A. Nauchnye i ideologicheskie diskussii v formirovanii metodologicheskogo edinstva sovetskoi psikhologii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 2. S. 73–88.
3. Akhutina T.V., Agris A.R., Akinina Yu.S., Evseviceva I.V., Bol'gina T.A., Zmanovskii N.S., Nikonova E.Yu., Obidina V.A., Cherkasova Z.A., Dragoi O.V. Rabota nad elektronnoi versiei arkhiva A. R. Lurii // Kognitivnaya nauka v

- Moskve: novye issledovaniya Materialy konferentsii. Pod redaktsiei E.V. Pechenkoi, M.V. Falikman. 2017. S. 481-485.
4. Borodkin L.I. Istorik v mire komp'yuternykh tekhnologii: razvitie po spirali? // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal Istoriya. 2015. № 8 (41). S. 1.
 5. Valueva E.A., Medyantsev A.A., Ushakov D.V. Razvitie predstavlenii ob insaite: glavnye vekhi bol'shogo puti // Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii // Otv. red. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Institut psikhologii RAN, 2018. S. 245-265.
 6. Volodin A.Yu. Gumanitarnye nauki v kontekste tsifrovyykh vyzovov (obzor izdaniya proekta Michiganskogo universiteta) // Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii. 2013. № 4 (6). S. 99-102.
 7. Gartman E. Sushchnost' mirovogo protsessa, ili filosofiya bessoznatel'nogo: metafizika bessoznatel'nogo M.: URSS: Lenand, cop. 2015. 430 s.
 8. Zhdan A.N. Masshtabnost' lichnosti i deyatel'nosti A. N. Leont'eva (5.02.1903 - 21.01.1979) // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 1. S. 186-206.
 9. Zuev K.B. Osnovnye tendentsii izucheniya sem'i v psikhologii pozdnesovetskogo perioda (na primere publikatsii v «psikhologicheskom zhurnale» s 1980 po 1990 gody) // Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodeistviya. 2016. № 6. S. 58-67.
 10. Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N. Sovetskaya psikhologiya v gody Velikoi otechestvennoi voyny: edinstvo teorii, eksperimenta i praktiki // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. 2018. T. 25. S. 51-58.
 11. Kostrigin A.A., Khusyainov T.M. Imya L.S. Vygotskogo kak ob"ekt Digital Humanities // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2016. № 6. S. 44-66.
 12. Kostrigin A.A. Tsifrovaya istoriya psikhologii: problemy i perspektivy // Istoriya rossiiskoi psikhologii v litsakh: Daidzhest. 2017. № 4. S. 17-24. DOI: 10.5281/zenodo.1161683
 13. Kostrigin A.A. Khusyainov T.M. Digital Humanities v istorii psikhologii (na primere familii V.M. Bekhtereva) // Tsifrovoy uchenyi: laboratoriya filosofa. 2018. T. 1. №1. S. 160-179. doi: 10.5840/dspl20181110
 14. Lavrov P.L. Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. Tom 1. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury «Mysl'», 1965.
 15. Mozhaeva G.V. Digital Humanities: tsifrovoy povorot v gumanitarnykh naukakh // Gumanitarnaya informatika. 2015. № 9. S. 8-23.
 16. Nyagolova M.D. Vklad A. V. Brushlinskogo v kritiku kul'turno-istoricheskoi teorii myshleniya // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 2. S. 22–32.

17. Petrenko V.F. K probleme kollektivnogo bessoznatel'nogo v ramkakh filosofii postneklassicheskoi ratsional'nosti i psikhologii konstruktivizma // Voprosy filosofii. 2018. № 2. S. 89-101.
18. Petrenko V.F. Konstruirovaniye istorii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2018. № 1. S. 15-33.
19. Petrenko V.F. Perspektivy razvitiya psikhologicheskoi shkoly Vygotskogo - Leont'eva - Lurii v kontekste problematiki psikhosemantiki bessoznatel'nogo // Mir psikhologii. 2016. № 4 (88). S. 54-67.
20. Petrenko V.F., Suprun A.P. Klassicheskaya i kvantovaya fizika na yazyke soznaniya i bessoznatel'nogo - postneklassicheskaya ratsional'nost' // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 76-90.
21. Potemkin S.B., Khasin L.A., Khasina P.L., Shchedrina E.V. Analiz tendentsii razvitiya psikhologii na osnove vyyavleniya dinamiki chastoty ispol'zovaniya psikhologicheskikh terminov // Voprosy psikhologii. 2015. № 6. S. 95-103.
22. Sidorenkov A.V. Analiz issledovaniya malykh grupp v otechestvennoi psikhologii po publikatsiyam v zhurnalakh "Voprosy psikhologii" i "Psikhologicheskii zhurnal" // Voprosy psikhologii. 2005. № 2. S. 58-67.
23. Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A. Ivan Pimenovich Chetverikov: epokhi zhizni // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2018. № 2. S. 108-122.
24. Taller M. Diskussii vokrug Digital Humanities // Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii. 2012. № 1 (1). S. 005-013.
25. Kholondovich E.N. Lichnost' geniya kak predmet psikhologo-istoricheskogo issledovaniya // Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya. 2017. № 5. S. 51-60.
26. Shvedovskaya A.A., Meshkova N.V. Bibliometricheskii analiz zhurnala «Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie» // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2015. T. 20. № 4. S. 108-116.
27. Shvedovskaya A.A., Meshkova N.V. Bibliometricheskii analiz zhurnala «Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya» // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2016. T. 12. № 1. S. 106-115.
28. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie. M.: Kvadriga, 2015. 591 s.
29. Green C. D. A digital future for the history of psychology? //History of psychology. 2016. Vol. 19. № 3. P. 209.
30. Green C. D., Feinerer I. The evolution of the American Journal of Psychology, 1904-1918: A network investigation //The American journal of psychology. 2016. Vol. 129. № 2. P. 185-196.

31. Greenfield P. M. The changing psychology of culture from 1800 through 2000 // Psychological science. 2013. Vol. 24. № 9. P. 1722-1731.

Сведения об авторах:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель кафедры психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Некрасова Анна Сергеевна, студент 2 курса по направлению подготовки «Психология», Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

Демещук Элиза Леонидовна, студент 2 курса по направлению подготовки «Психология», Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)

История и методология психологии

Юридико-психологические особенности концепции «социальной символики» М.А. Рейснера

Вышкварцев Виталий Владиславович

*Совет депутатов городского округа Краснознаменск Московской области,
Россия*

e-mail: info@vyshkvartsev.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности концепции «социальной символики», сформулированной одним из основоположников социальной психологии в СССР, юристов и историков религии М.А. Рейснером.

Ключевые слова: внушение, «общественный человек», Рейснер М.А., символика, социальная психология.

Legal and psychological features of the «social symbolism» concept by M.A. Reisner

Vyshkvartsev Vitaly Vladislavovich

*Council of Deputies of the Krasnoznamensk City District of the Moscow Region,
Russia*

e-mail: info@vyshkvartsev.ru

Abstract. The article discusses the features of the concept of «social symbolism», formulated by one of the founders of social psychology in the USSR, lawyers and historians of religion M.A. Reisner.

Keywords: suggestion, «social man», Reisner M.A., symbolism, social psychology.

Михаил Андреевич Рейснер (1868-1928) являлся уникальным ученым, сумевшим придать новый вектор развития мысли о государстве и праве с позиции «психологизма Л.И. Петражицкого». «Через идеологию – к символам»

– так можно охарактеризовать концептуальность научной корректировки психологии: «До последнего времени психология была не только оторвана от твердого физиологического обоснования, но и покоилась целиком на субъективном анализе и интроспекции» [8, с. 3] – писал М.А. Рейснер. Как и Л.И. Петражицкий, ученый был обвинен в чрезмерной эклектике и субъективном идеализме, поэтому важнейшей задачей он видел преодоление «индивидуализма» в психологии через сферу «классового интуитивного права» и «массовой психологии». Вероятно, поэтому рейснеровская категория «естественного человека» уступила место «общественному человеку»: «Именно здесь подвергается изучению не фантастический изолированный человек, а человек действительный, т.е. общественный. Он подвергается вместе с тем наблюдению не в одиночках, обладающих случайными отклонениями, а в массах, где наиболее ярко обнаруживается общий закон» [10, с. 178].

Право, справедливость, закон и религия, по нашему мнению, являлись средствами для дальнейшего уничтожения самих себя; по выражению М.А. Рейснера, общественный класс должен был упразднить классовый порядок вообще. И если эти сегменты правового и нравственного мышления еще признавались в качестве классовых регуляторов, влиявших на формирование революционного правосознания [6, с. 51], то впоследствии они приобрели форму ложных символов, «нестерпимых преувеличений и самого наглого презрения действительности» [9, с. 301]. Причины ложной символики ученый видел в корреляции с рефлекторным инстинктивным приспособлением – мимикрией и подражанием одних живых существ другим. В этой связи М.А. Рейснер, примкнув к общепризнанной марксистской позиции [2, с. 46-51], отрицал правовое государство, как идеологический пережиток, выражавшийся в подражании политическому строю буржуазных государств. Подражание означает основанную на постоянно воспроизводимой и повторяемой информации систему поведения человека, при которой происходит «копирование» внутренних и (или) внешних свойств субъекта или объекта. «На стадии конклюдентных действий человека (т. е. действий, из которых явствуют его намерения) формирование его последующего аттитюда происходит посредством наблюдения за поведением других людей (участников общественной группы)» [3, с. 171]. В данном случае немаловажную роль играет речевая символика (звук), оказывающая влияние на формирование у человека (социальной группы) определенной модели поведения (аттитюда). По убеждению Г.М. Андреевой, подражание является источником прогресса в той мере, в какой оно вносит в структуру общества новые открытия и изобретения [1, с. 171].

Одновременно с формированием концепции «подражания» идет процесс внушения, чему М.А. Рейснер придавал особенное значение, развивая мысль о мистической символике. Ученый, опираясь на теорию психоанализа З. Фрейда, предлагал «захватить» бессознательную сферу человека и искусственным путем насаждать определенные сигналы и символы. В научной литературе проводились исследования психологической парадигмы Г.Д. Лассуэлла – так называемого «количественного метода анализа содержания», согласно которому конкуренция символов позволяет выявить из них наиболее успешные (слова, звуки, знаки ит.п.) и определить степень благоприятной реакции общества с целью его приспособления к успешным символам. Кроме того, по мнению специалистов, адептов американской психологической школы интересовал вопрос об условиях «вбивания» определенных идей и стереотипов в головы людей» [5, с. 75] (пропаганда). Если апеллировать к научной юридико-психологической риторике Л.И. Петражицкого, данные отношения могли сводиться лишь к «правоотношениям» суггестора и суггеренда, в соответствии с которым одна сторона производит передачу нематериальных благ (символов) другой стороне – потребителю символов. Дальше американских ученых оказался М.А. Рейснер, опередив их, фактически на полвека раньше: внушение и пропаганда являются способами, которые призваны создать не диспозитивное правило поведения человека, а осуществить его «реорганизацию в форме преобразования», в результате чего возникает психологический императив. Изначально ученый разработал его для претворения в жизнь антирелигиозной политики Советского государства после принятия Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» в 1918 г. Примечательно, что данный нормативный правовой акт, выступавший в роли символики, изначально носил название «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Иными словами, если в первом названии документа был заложен сегмент гарантии свободы совести, свободы союзов и объединений, то во втором произошла замена символических словосочетаний, при которых исчезла свобода совести, союзов и объединений, и на ее место стала «свобода от Церкви». В результате такой подмены место «религиозной символики» заняла «символика атеизма». В теоретическом аспекте данная методика внушения и пропаганды успешно помогла приспособлению новой «культурной личности» к государственной политике «религиозного нигилизма». Особенности этой методики заключаются в следующем [9, с. 280, 288]:

- одни предметы заменяются другими вне зависимости от какого -либо внутреннего или внешнего сходства. На примере М.А. Рейснера можно

проследить его резкую смену идеологических предпочтений (отказ от умеренного либерализма в пользу марксизма в период 1903-1905 гг. XX столетия);

- под один и тот же символ могут подставляться самые различные переживания (подстановка); В Конституции СССР (утв. Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 05.12.1936 г.) предусмотренное в статье 118 право граждан СССР на труд нивелировалось статьей 12, в которой было сказано, что труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина. Выполнение данной обязанности обеспечивалось нормами законодательства под угрозой применения к нарушителю мер юридической (административной и (или) уголовной) ответственности [12];

- символы и переживания в связи с одними и теми же или разными смыслами могут подвергаться переуступке (цессии). Очень ярко данная особенность демонстрировалась в процессе подготовки и обсуждения Проекта Федерального закона № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [4]. В отношении символов «55 и 60» совершена их переуступка в счет правовых и социальных гарантий, в том числе гарантии постепенного перехода к символам «60 и 65». Итогом послужил «социальный компромисс», который нашел свое отражение в Федеральном законе от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [11]. Важно подчеркнуть, что цессия может содержать в себе элементы замены и подстановки, особенность которых мы указали ранее.

В качестве отдельной особенности методики внушения и пропаганды М.А. Рейснер называет «частое повторение», которая может привести к мании или помешательству. «Во всяком случае глубина и сила мистически организованных переживаний дает самое высокое напряжение психики, какое только знает общественная жизнь» [9, с. 288]. В качестве примера приведем востребованное в современном мире сообщество бизнес-тренеров (коучинг), которые обучают всех заинтересованных лиц методике личностного успеха и мотивации. В результате человек может достичь «экзальтированных» эмоций на основе постижения речевой и звуковой символик. «Внушение играет громадную роль в деле массового бессознательного приспособления, так как оно есть основа всякой власти и опирающейся на него организации» – размышлял М.А. Рейснер [7, с. 78].

Таким образом, ученый пытался устранить один из пробелов в молодой и набирающей обороты науке социальной психологии 20-х годов прошлого

столетия – создать теоретическое обоснование «аппарата коллективной символики» для развития марксистского учения о классах, идеологического учения о компромиссах через организацию «символизма» в человеческой психике. Именно потому, чтобы упростить восприятие человеком новых социально-экономических, политических и культурных условий после исторических событий 1917 г., М.А. Рейснер создал научную и теоретическую основу для «общественного компромисса» посредством социальной символики, которую общество должно было усвоить с помощью психологической методики внушения. Очевидно, что ее особенности и сегодня имеют четкий и ярко выраженный характер, присущий современной системе организации и управления в России и социальной атмосфере гражданского общества, которое, как и рейснеровская «классовая массовость», к сожалению, по-прежнему находится в относительной независимости от механизма государства.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., Издательство Московского Университета. 1980. 416 с.
2. Вышкварцев В.В. Правовое государство в трудах советских юристов 20-30-х годов XX века // Российский юридический журнал. 2012. №2. С. 46-51.
3. Вышкварцев В.В. Формирование психологического подхода к пониманию гражданского общества в России (на основе учений М.А. Рейснера) // Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования. Сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых ученых: в 2-х тт. Т. 2. СПб., 2017. С. 169-175.
4. Законопроект о повышении пенсионного возраста направлен в профильный комитет Госдумы. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/54004.html/>
5. Коробейников В.С. Анализ содержания материалов пропаганды / Проблемы социальной психологии и пропаганда. М., Политиздат. 1971. С. 70-92.
6. Основные тезисы доклада М.А. Рейснера на Всероссийском Съезде Комиссаров Юстиции // Материалы Народного Комиссариата Юстиции. Выпуск I. М., Издание Народного Комиссариата Юстиции. 1918. – 60 с.
7. Рейснер М.А. Проблемы социальной психологии. Р-Д., Буревестник. 1925. 135 с.
8. Рейснер М.А. Рефлексы академика Павлова и идеология в учении Маркса // Октябрь мысли. 1924. №5-6. С. 3-11.

9. Рейснер М.А. Способы представления // Вестник Коммунистической Академии. 1924. Кн. VII. С. 273-336.
10. Рейснер М.А. Условная символика как социальный раздражитель // Вестник Коммунистической Академии. 1924. Кн. V-IX. С. 175-197.
11. СЗ РФ. 08.10.2018. № 41. Ст. 6190.
12. Указ Президиума ВС РСФСР от 04.05.1961 «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 18. Ст. 273; Указ Президиума ВС РСФСР от 25.02.1970 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 14. Ст. 256.

References:

1. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya. M., Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. 1980. 416 s.
2. Vyshkvartsev V.V. Pravovoe gosudarstvo v trudakh sovetskikh yuristov 20-30-kh godov XX veka // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2012. №2. S. 46-51.
3. Vyshkvartsev V.V. Formirovanie psikhologicheskogo podkhoda k ponimaniyu grazhdanskogo obshchestva v Rossii (na osnove uchenii M.A. Reisnera) // Psikhologiya XXI veka: sistemnyi podkhod i mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh: v 2-kh tt. T. 2. SPb., 2017. S. 169-175.
4. Zakonoproekt o povyshenii pensionnogo vozrasta napravlenn v profil'nyi komitet Gosdumy. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/54004.html/>
5. Korobeinikov V.S. Analiz sodержaniya materialov propagandy / Problemy sotsial'noi psikhologii i propaganda. M., Politizdat. 1971. S. 70-92.
6. Osnovnye tezisy doklada M.A. Reisnera na Vserossiiskom S"ezde Komissarov Yustitsii // Materialy Narodnogo Komissariata Yustitsii. Vypusk I. M., Izdanie Narodnogo Komissariata Yustitsii. 1918. – 60 s.
7. Reisner M.A. Problemy sotsial'noi psikhologii. R-D., Burevestnik. 1925. 135 s.
8. Reisner M.A. Refleksy akademika Pavlova i ideologiya v uchenii Marksa // Oktyabr' mysli. 1924. №5-6. S. 3-11.
9. Reisner M.A. Sposoby predstavleniya // Vestnik Kommunisticheskoi Akademii. 1924. Кн. VII. S. 273-336.
10. Reisner M.A. Uslovnaya simbolika kak sotsial'nyi razdrashitel' // Vestnik Kommunisticheskoi Akademii. 1924. Кн. V-IX. S. 175-197.

11. SZ RF. 08.10.2018. № 41. Ст. 6190.
12. Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 04.05.1961 «Ob usilenii bor'by s litsami, uklonyayushchimisya ot obshchestvenno poleznogo truda i vedushchimi antiobshchestvennyimi paraziticheskimi obraz zhizni» // Vedomosti VS RSFSR. 1961. № 18. Ст. 273; Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 25.02.1970 «O vnesenii dopolnenii i izmenenii v Ugolovnyi i Ugolovno-protssesual'nyi kodeksy RSFSR» // Vedomosti VS RSFSR. 1970. № 14. Ст. 256.

Сведения об авторе:

Вышкварцев Виталий Владиславович, кандидат юридических наук, профессор РАЕ, депутат Совета депутатов городского округа Краснознаменск Московской области (г. Краснознаменск, Московская область, Россия)

Психология в послевоенной советской школе: забота партии о детях

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. Автор вспоминает о таком явлении в советской школе и психологической науке, как введение уроков психологии в среднюю школу после Великой отечественной войны. Причин для этого исследователи называют несколько: рост статуса психологии в обществе, вызванный войной; еще до войны было решено ввести единое философское образование и по поручению ЦК ВКП(б) Институт философии получил подготовить соответствующие учебники для школ; к началу 1950-х гг. завершилось окончательное формирование советской школы как «сталинской гимназии». Автор считает, что психология как учебный предмет в школе выполняла идеологическую функцию.

Ключевые слова: Великая отечественная война, уроки психологии в школе, Постановление ЦК ВКП(б).

Psychology lessons in Soviet schools after the war: the party's concern for children

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. The author recalls such a phenomenon in the Soviet school and psychological science as the introduction of psychology lessons in secondary education after the Great Patriotic War. Researchers write about several reasons: the growth of the status of psychology in society, caused by the war; before the war, it was decided to introduce philosophical education, and on behalf of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks the Institute of Philosophy was ordered to prepare appropriate textbooks for schools; by the early 1950s the final formation of the Soviet school as «Stalin's gymnasium» was completed. The author believes that psychology as an academic subject at school performed an ideological function.

Keywords: The Great Patriotic war, lessons of psychology in the school, the Resolution of the Central Committee of the Communist party.

Встретив словосочетание «советская психология в годы Великой Отечественной войны», заведомо знаешь, что авторы будут описывать, как в тяжелых условиях военного быта советские психологи успешно проводили научную деятельность. Историография этого вопроса, вероятно, лучше всего описана в книге В.А. Кольцовой и Ю.Н. Олейника [12], дополнена исследованиями А.А. Леонтьева, Н.А. Логиновой, О.Г. Носковой и др. авторов [2; 9; 14; 15; 18; 19]. Отдавая дань уважения коллегам, углубившимся в эту непростую тему, отметим главные тенденции и характеристики в функционировании советской психологии в годы Великой Отечественной войны: «активное включение психологии в разработку конкретных практических проблем, поставленных в повестку дня требованиями военного времени; существенное усиление прикладных военно-психологических разработок в общей структуре проводимых исследований; формирование новых организационных форм взаимодействия психологов и исследовательских структур в сфере психологии; существенное влияние психологии на укрепление такого фактора объединения людей как активное национальное самосознание. Несмотря на приоритетное значение в годы войны прикладных и научно-практических разработок в советской психологии продолжалось активное изучение общепсихологических проблем» [12, с. 143]. Те же исследователи говорят о существенном воздействии военного периода на развитие психологии, что проявилось в:

1) получении большого эмпирического материала, позволившего после войны подготовить ряд фундаментальных работ обобщающего характера, которые на многие годы определили развитие отдельных отраслей психологической науки (нейропсихологии, военной психологии, психофизиологии, психологии здоровья);

2) росте статуса психологии в обществе (создание и финансирование государством новых исследовательских, образовательных и координирующих психологических центров; увеличение общего числа психологов; введение психологии как обязательного для изучения предмета в средней общеобразовательной школе; присуждение ряду психологов и психофизиологов правительственных наград и премий; в негласном снятии запрета на использование психодиагностических, в числе и тестовых методик, и разработку отдельных проблем психотерапии, индивидуальной психологии, социальной психологии, психологии труда и педагогической психологии);

3) зарождении новых направлений психологии – нейропсихологии, военной психологии, психологии труда, психологии познания, расширивших отраслевую структуру психологии;

4) росте региональных психологических лабораторий, учебных кафедр и формировании психологического сообщества в регионах, где до войны психологии не было.

Написанное широкими мазками красивое и победное полотно свершений советской психологии, совершённое «несмотря на все тяготы» и «благодаря мужеству и героизму» (кавычками мы показываем устойчивые речевые штампы), на самом деле давно нуждается в подробной фактологии и вызывает законный вопрос: почему этот период, переполненный драматическими и трагическими событиями, до сих пор не заинтересовал историков психологии? В приведенных выше цитатах почти каждый тезис просит развернутого ответа, например, какие большие эмпирические данные «позволили после войны подготовить ряд фундаментальных работ обобщающего характера, которые на многие годы определили развитие отдельных отраслей психологической науки (нейропсихологии, военной психологии, психофизиологии, психологии здоровья)»? И если с нейропсихологией и психофизиологией хоть что-то известно (см., например, [12; 18; 19], то практически ничего не известно о том качественном рывке в военной психологии, сделанном ей после войны. Или: какие новые психологические центры – исследовательские, образовательные и координирующие – были созданы государством после войны? сколько психологов и кого наградили правительственными наградами и премиями? когда был негласно снят запрет на использование психодиагностических, тестовых методик? Безусловно, жаль, что до сих пор не написаны истории направлений психологии – нейропсихологии, военной психологии, психологии труда, психологии познания; но о психологии труда известно, что она, будучи правопреемницей психотехники, драматически покончившей собой в 1936 г., таковой официально не стала, побоявшись начальственного окрика, фактически отреклась сама от себя, стыдливо сменив название [35; 36]. Необычайно интересным является исследование географии эвакуации педагогических институтов – тех, где были кафедры психологии – мы бы узнали направление «завоеваний», «расширений» территорий формирования психологического общества. Сейчас существуют только отрывочные сведения подобного рода, например, Белорусский государственный университет был эвакуирован в Москву, располагался на Сходне, куда пригласили еще коллег из эвакуированного в Челябинскую область Витебского педагогического института им. С.М. Кирова (сейчас Витебский государственный университет им. П.М. Машерова) из-за того, что в Челябинской области не удалось наладить работу ввиду отсутствия учебно-материальной базы и средств. Был эвакуирован Гомельский пединститут им. В.П. Чкалова (сейчас – Гомельский

государственный университет им. Фр. Скорины) в Кировскую область, а куда именно? Где размещался Могилевский пединститут и много-много других, располагавшихся на оккупированных территориях запада и юга СССР? Как проходила там их работа? Удалось ли вообще ее наладить? В настоящее время известно только исследование о вузах Северного Кавказа (25), в основном – медицинских. Что происходило в тыловых городах (например, в Кирове, Куйбышеве, Уфе, Ташкенте и многих других), где в страшной тесноте были размещены тысячи приехавших специалистов, в том числе – сотрудники психологических кафедр? И вообще, что за время – «после войны», когда советская психология шагнула вперед, аккумулировав все данные и разработки, полученные в годы войны? Хорошо бы узнать его границы... Громкие слова о великом народном подвиге пока прячут от нас конкретные факты.

Поблагодарив коллег за возможность обозначить вопросы, попробуем в общих чертах рассмотреть один из них, – о преподавании психологии в средних школах СССР, – был ли этот исторический факт следствием воздействия событий Великой Отечественной войны, выразившейся в своеобразной экспансии психологии в советскую школу.

Как известно, в XX в. в Российской империи психологию в гимназиях стали преподавать с 1905 г., у истоков «школьной психологии» стояли такие ученые, как А.П. Нечаев и Г.И. Челпанов (31, 32, 33); этот интереснейший период в истории российской школы закончился после революции, точнее – с созданием единой трудовой школы. Следующий этап истории преподавания психологии в советское время начался 3 декабря 1946 г. вышедшим Постановлением ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», где признавалось совершенно ненормальным, что в средних школах не изучается логика и психология. Тогда ЦК ВКП(б) счел необходимым ввести в течение четырех лет, начиная с 1947/1948 учебного года, преподавание этих предметов во всех школах Советского Союза. В соответствии с этим Постановлением за два последующих учебных года преподавание психологии было введено в 598 средних школах [20].

Уже в январе 1947 г. в «Учительской газете» разъясняют последующие за Постановлением действия государства, что согласно приказу министра просвещения РСФСР А.Г. Калашникова, с будущего, 1947/48 учебного года преподавание логики и психологии введут в 200 средних школах Москвы, Ленинграда, Горького, Саратова, Свердловска, Новосибирска, Куйбышева, Ростова-на-Дону, Воронежа, Казани, Молотова, Томска. К 20-му марта этого же года должны быть разработаны учебный план и программа по психологии и логике для выпускных классов средних школ. Главному управлению высших

учебных заведений Министерства предложено совместно с Управлением начальных и средних школ организовать при педагогических институтах полуторамесячные курсы по подготовке преподавателей логики и психологии из числа учителей, имеющих законченное высшее образование и изъявивших желание по совместительству преподавать указанные предметы.

Управление начальных и средних школ Министерства должно было разработать к 1 августа план введения преподавания логики и психологии во всех средних школах РСФСР в течение 4-х лет, а учебное управление высших учебных заведений должно было разработать мероприятия по подготовке преподавателей логики и психологии с таким расчетом, чтобы к 1950/51 уч.г. потребность школ в этих преподавателях была полностью обеспечена.

Вопрос, занимающий нас давно, формулировался так: почему психология в школы была введена именно после окончания войны, когда страна была разрушена, не хватало продовольствия и товаров народного потребления, народное хозяйство требовало немедленного восстановления; огненный вал прошедшей войны, прокатившись по территории Советского Союза, отметил своей страшной меткой миллионы детей, оставшихся на бывших оккупированных территориях; какое дело государству до уроков психологии и логики в школах? Может быть, в послевоенном Советском Союзе педагоги и психологи сочувственно отнеслись к трагедиям детей войны, решили обратить особое внимание на детскую душу, сделать ее сильнее? Подобным образом сделали педагоги-гуманисты Педагогического бюро средней и низшей школы за границей под руководством В.В. Зеньковского в Праге. Они, собрав детей-эмигрантов, перенесших ужасы Гражданской войны и потерю родины, часто – родителей, в своей работе поставили задачу — «заботу о душе детской, о ее выпрямлении и оздоровлении, об ее освобождении от тяжелого груза всего пережитого» [8, с. 161]. В современной литературе есть несколько точек зрения с попытками объяснить, что же заставило государство ввести уроки психологии в школы, неужели у психологии, в 1936 г. перенесшей последствия Постановления «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», появился такой авторитет?

В.Н. Кольцова и Ю.Н. Олейник, отмечая воздействие Великой Отечественной войны на развитие психологии в стране, подчеркивают, что существенно возрос статус психологии в обществе, что отразилось на введении психологии как обязательного для изучения предмета в средней общеобразовательной школе [12, с. 143].

Согласно гипотезе профессора философского факультета ЛГУ В.И. Кобзаря (10, с. 11) восстановление логики как предмета преподавания и

научной разработки началось еще до войны, с 1939 г., и было инициировано властью. В.И. Кобзарь выдвигает предположение, что это связано с письмом С.И. Поварнина И.В. Сталину. С.И. Поварнин (1970-1952), ученик А.И. Введенского, был ученым-философом, логиком. В 1916 г., став приват-доцентом Петроградского университета, работал в нем до 1923 г., до того, пока власти не предложили ему уйти. Долгие годы он не преподавал, но, не утратив интереса к проблемам логики, всегда следил за публикациями. По-видимому, почувствовав в конце 1930-х гг. изменения в идеологических установках власти, он в 1939 г. обратился к Сталину с письмом, где с недоумением писал: «Ведь и умозаключения, и доказательства существуют. Этого отрицать нельзя. И их роль в мышлении громадна. Почему же они не изучаются? Правильное изучение их должно иметь не только теоретическое, но и практическое значение. Разве умение быстро, уверенно анализировать и проверять чужие и свои выводы и доказательства – неважно для практики современного человека? А этому чрезвычайно может помочь знание состава и строения доказательств и выводов, знание видов их, с их слабыми и сильными сторонами и т.д. Теория и здесь, как и везде облегчит и ускорит достижения даже очень крупных умов, не говоря уже об умах среднего разряда... Такие существенные проблемы, как учение об умозаключениях и доказательствах, о правилах последовательности мыслей, надо поставить наново, начать работу исследования заново, на живом современном материале и в современном масштабе. Тут обширное поле плодотворной работы для молодых ученых.

Пробел рано или поздно придется заполнить. Это совершенно неизбежно. Почему же не начать эти работы теперь? Время не терпит...

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Вам так дорого развитие науки и мысли в СССР. Может быть, Вы найдете правильным и своевременным как-нибудь столкнуть и этот вопрос с мертвой точки» [5, с.140]. Именно это письмо в защиту логики, по мнению В.И. Кобзаря, было одной из причин введения ее в школы и вузы, но исторически сложилось так, что психология и логика всегда шли вместе, еще в XIX в. получив название «философской пропедевтики».

Философы Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко рассматривают преподавание психологии и логики (а также партийно-политическую учебу) в русле единого философского образования, которое должны были начать в 1941 г., когда по поручению ЦК ВКП(б) Институт философии получил подготовить соответствующие учебники для школ. Хотя война нарушила план, но «долговременную тенденцию определяло иное обстоятельство. Тематическая программа философии формировалась под знаком канонизации “Краткого

курса истории ВКП(б)» [4, с. 173-174]. Опубликованием Постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» в ноябре 1938 г. началось формирование единой системы философско-политического образования. В Постановлении осуждалось пренебрежительное отношение к советской интеллигенции и предписывалось изучать основы марксизма-ленинизма во всех учебных заведениях, а также в многоступенчатой системе пропаганды. Положение философской науки принципиально менялось.

Именно в годы войны свершилась достаточно решительная реформа в организации учебно-воспитательного процесса, в системе образования в целом, «причем все изменения продолжали, закрепляли и в известной мере логично завершали ту смену парадигм, которая произошла в середине 1930-х годов» [6, с. 135-136], а основные направления изменений 1940-х гг. уже были сформулированы в материалах намечавшейся, но не состоявшейся реформы школы 1939-40 гг. Динамика образовательной политики выглядела следующим образом: введение начальной военной подготовки, разделение школ в крупных городах на мужские и женские, установление школьной формы, ученического билета, введение жестких дисциплинарных мер, предусматривавших наказание учащихся, включение в учебный план в конце 1940-х гг. логики и психологии. Эти меры, внешне, казалось бы, несвязанные между собой, завершали к началу 1950-х гг. окончательное формирование такого единого типа средней школы, как «сталинская гимназия».

Эту точку зрения поддерживают и некоторые отечественные психологи, отмечавшие непосредственное прямое указание И.В. Сталина по переизданию учебника логики Г.И. Челпанова (для гимназий), по введению учебных предметов логики и психологии в школы в 1946 г. Сочувственным отношением вождя к психологии они объясняют и «тот поразительный факт, что в 30-40-е годы не пострадал почти никто из заметных психологов (если не считать психотехников). Во всяком случае, таких людских потерь, как во многих других науках, в психологии не было» [14, с. 109].

Действительно, до и во время Великой Отечественной войны в педагогических журналах стали появляться статьи, где говорилось о необходимости вернуть в учебные планы советских школ дисциплины – психологию и логику (Ф.И. Георгиев, К.Н. Корнилов, К.А. Рамуль, Н.А. Рыбников). Все они, так или иначе, выражали общую мысль, сказанную еще А.П. Нечаевым в 1911 г.: Самая скромная цель, которую может преследовать средняя школа, заключается в том, чтобы помочь ученику осмысленно пользоваться ходячими выражениями обыденной речи. <...>

Необходимо, чтобы они связывали с ними вполне ясные и отчетливые переживания. <...> Более глубокой задачей ...является проложение первых путей к созданию цельного мировоззрения учащихся. <...> ...изучая психологию, можно достигать объединения разнообразных знаний, составляющих содержание учебного курса средней школы, так как, во-первых, с психологической точки зрения могут быть разобраны многие явления, известные ученикам из литературы, грамматики, истории, морали, а во-вторых, для понимания основных методов современной психологии необходимо постоянно обращаться к элементам естествознания и математики» [17, с. 4]. Слова А.П. Нечаева в начале XX в. повторяли педагоги и психологи, писавшие о необходимости преподавания психологии в гимназиях, а К.Н. Корнилов, К.А. Рамуль, Н.А. Рыбников был участниками и свидетелями тех прошлых процессов.

В 1940 г. Н.А. Рыбников утверждал, что общий культурный рост страны требует соответствующих изменений в программе средней школы, включения в нее новых дисциплин. Ссылаясь на одно из методических совещаний в Наркомпросе, посвященных вопросу о программах по психологии, в частности, он выделяет мнения сторонников и противников этого предмета: «взять хотя бы беседы с учащимися о выборе профессии, работу по профориентации и т.д. Всякий раз на этих беседах, затрагивающих психологические темы, учащиеся выдвигают целый ряд вопросов, говорящих о наличии у них интереса к психологии, желании быть ориентированными в этих вопросах... Помимо огромного общеобразовательного значения, изучение психологии учащимися старших классов средней школы несомненно будет способствовать углублению и облегчению проработки целого ряда разделов программ средней школы. Преподаватели литературы особенно часто указывают, что психологическая ориентированность учащихся сильно помогла бы им в понимании внутреннего мира героев литературных произведений и тем самым углубила бы изучение литературоведческого материала... Изучение элементов психологии, особенно при соединении с элементами диалектической логики, несомненно, будет способствовать развитию у учащихся навыков отвлеченного мышления» [23, с. 92]. Он возмущался противниками введения психологии в школы, они, дескать, ссылаются на слабую подготовленность самой науки к тому, чтобы занять подобающее место в ряду других предметов средней школы, на перегруженность программы средней школы, на недоступность психологии для учащихся; сомневаются в той пользе, которую принесет такое включение и т.д.

К.А. Рамуль, профессор Тартуского университета, ставший советским профессором только в 1940 г., очень сдержанно подчеркнул важность формирования психологического знания у школьников. Выделяя несколько значимых позиций, говорящих «за» психологию в средних школах: ее общеобразовательное, воспитательное, практическое значение, ее доступность пониманию учащихся, общее состояние советской психологии, он заключил: «при отсутствии психологии в программах средней школы, окончившие ее не будут иметь достаточных знаний о явлениях психического мира; у них окажется также слабо развитым и самый интерес к этого рода явлениям и умение в достаточной мере в них разбираться. В результате отсутствия или недостаточности психологического образования, в связи с продолжительным односторонним интересом к явлениям неорганического мира, может явиться вообще ненаучное отношение к явлениям психического мира, склонность прибегать к теориям и допущениям, совершенно противоречащим основным данным и предпосылкам научной психологии» [22, с. 101].

Философ Ф.И. Георгиев указал на взаимоотношение логики и психологии (в соответствии с введением соответствующих новых дисциплин): «В результате преподавания названных дисциплин учащиеся смогут глубже овладеть основами науки, приобрести определенные навыки, умения, дисциплинировать свое мышление, ясно, последовательно, правильно строить свою мысль на основе знания общих логических законов и форм мышления» [7; с. 37].

В 1943 г. вышла статья профессора К.Н. Корнилова, носившая методический, программный характер для будущей дисциплины. Он отметил то благотворное влияние школьной психологии на преподавание психологии в высшей школе: «В настоящее время студенты университетов и педвузов приходят в вуз без каких бы то ни было знаний по психологии; поэтому в силу необходимости курс психологии приходится давать в самом элементарном виде. Теперь, когда студенты будут приходить в вуз после прослушивания и сдачи экзамена по психологии, курсу психологии можно будет придать более фундаментальный характер и предъявить к студентам более повышенные требования» [13, с. 17]. Надо отдать ему должное, он, почти единственный из многих, видел еще одну сторону психологии в школе: «введение психологии в среднюю школу сблизит психолога со школой. Психолог перестанет быть чуждым и немного подозрительным человеком для школы. До сих пор психолога пускали в школу с опасением: не педолог ли он? что и как он будет исследовать? – тем более, если он собирался экспериментировать. Вот почему в значительной мере тормозилось создание марксистской науки о детях. Можно

думать, что с введением психологии в среднюю школу будут созданы более здоровые и правильные предпосылки для изучения детской психологии» [13, с. 18]. Автор снова поднял вопросы, стоявшие перед психологами еще в 1905 г.:

- кто будет преподавать психологию? где взять и как подготовить этих преподавателей?

- в каком классе рационально преподавать психологию? какова должна быть длительность курса?

- какова должна быть программа курса? каков метод преподавания? что должен представлять собой учебник психологии средней школы?

Следовало объяснить исчезновение психологии как учебного предмета, благополучно существовавший когда-то в российской школе:

- «психология в дореволюционной школе преподавалась в той форме, которая была тогда господствующей, – как психология идеалистическая и метафизическая, считавшаяся нужной для поддержания “юношеского идеализма”, для борьбы с материалистическим мирозерцанием... Если принять во внимание, что и господствовавшая тогда эмпирическая психология являлась всецело продуктом капиталистического строя и была насквозь проникнута буржуазной идеологией, то станет ясным, какое содержание вкладывалось в программу психологии гимназического курса» [22, с. 99];

- «психология пользовалась скверной репутацией, как наука, оставшаяся последним убежищем идеализма. И, действительно, в начальный период строительства советской школы старая, идеалистическая психология не могла быть включена в систему общего образования, так как ни в малейшей степени не отвечала целям советского воспитания. Идеалистические традиции психологии находились в вопиющем противоречии с задачами воспитания подрастающего поколения в коммунистическом духе. Поэтому психология как учебный предмет, была изъята из средней школы» [13, с. 21];

- «В русской дореволюционной школе и в современной буржуазной школе преподавание этих предметов (*психологии и логики – прим. Н. Стоюхиной*) служило и служит средством внедрения идеализма и мещанской морали, а также религиозного мракобесия» [38, с. 8].

С оптимизмом авторы отмечали, что через 30 лет после победы революции психология методологически перестроилась, четко определила свои философские позиции, хотя «советским психологам пришлось преодолеть немало трудностей, заблуждений и ошибок, пока, наконец, в результате большого, напряженного коллективного труда, не были выработаны принципы советской научной психологии, отвечающей требованиям марксистско-ленинской теории» [11, с. 22], и благодаря достижениям советской научной

психологии настало время для введения психологии в программу средней школы.

Следует признать, что в основе введения психологии в школы, безусловно, лежал идеологическая подоплека, что подтверждает методическая литература по преподаванию психологии в школах, изданная после Постановления 1946 г.

В самом Постановлении ЦК ВКП (б) от 03.12.46 «О преподавании логики и психологии в средней школе» признается совершенно ненормальным, что в средних школах не изучается логика и психология, и считается необходимым ввести в течение четырех лет, начиная с 1947/48 уч.г., преподавание этих предметов во всех школах Советского Союза, – таким образом, завершается к началу 50-х гг. формирование единого типа средней школы. В 1947/48 и 1948/49 уч.г. преподавание психологии было введено в 598-ми средних школах.

Психология как учебная дисциплина «работала» на одну-единственную цель — воспитание нового, советского человека [28; 29; 32].

В методическом письме, подготовленном научно-исследовательским институтом психологии Академии педагогических наук РСФСР, декларировались следующие задачи курса психологии:

- дать учащимся систему фактических знаний по этому предмету: «дать понимание психики как свойства особым образом организованной материи, как отражения объективной реальности; дать картину развития психики и сознания на основе марксистско-ленинского учения; раскрыть общественно-историческую обусловленность сознания; показать значение научного объяснения психики в борьбе с религиозными представлениями, суевериями, различного рода предрассудками и другими пережитками капитализма в сознании людей» [1, с. 3];

- развивать у старшеклассников чувство национальной гордости за великие достижения русской науки в области познания сущности психических процессов и свойств личности; «показать учащимся высокий духовный облик советского человека, его цельность и внутреннее превосходство над людьми, проникнутыми буржуазной идеологией, обрисовать важнейшие качества советского человека..., показать формирование этих качеств в условиях социалистического строя, подчеркнуть бурный рост талантов и способностей в стране победившего социализма» [1, с. 4];

- помочь учащимся в познании психической жизни людей, в оценке поступков и мотивов поведения человека с позиций коммунистической морали; побудить учащихся к познанию самих себя, «указать пути сознательного формирования своих интересов, способностей, воли, характера, сознательного

самовоспитания, воспитать в себе лучшие качества советского человека» [1, с. 5].

Вышло множество методических статей, пособий, учебной литературы, авторами которых были В.Н. Колбановский, К.Н. Корнилов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.А. Размыслов, К.А. Рамуль, Н.А. Рыбников, Ю.А. Самарин, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Б.М. Теплов, Г.А. Фортунатов, М.Г. Ярошевский. Заметно выделялась статья Б.Г. Ананьева «О воспитательных задачах преподавания психологии», опубликованная в 1948 г. в сборнике методических материалов «В помощь преподавателю психологии в средней школе», изданного тиражом 10 тысяч экземпляров. Статья открывала сборник и носила программный характер [27; 29].

Обращают внимание идеологические ударения и акценты, присущие тому времени – времени выхода статьи Б.Г. Ананьева. Психология вводится в последнем классе школы, и Б.Г. Ананьев предостерегает от сведения ее к ранее пройденным дисциплинам, настаивает на строго научном подходе к ее преподаванию. Он отмечает, что целью изучения этого предмета должно стать обобщение и завершение школьных знаний о человеке и его сознании: психология «должна преподаваться как система научных знаний о психических процессах и сознании личности» [1, с. 6]. Важным, на его взгляд, является ознакомление учащихся с психологическими методами исследования, потому что «усвоение знаний о методах психологического познания имеет мировоззренческое значение, поскольку рушит легенду о непознаваемости психического, опровергая идеалистические “теории” о самодеятельном и самодвижущемся “духе”. Перед учащимися должны быть раскрыты еще и те методы, которые обеспечивают научный, следовательно, материалистический, характер современных психологических знаний» [там же].

Помимо основной задачи – *воспитание через предмет идейной направленности* – Б.Г. Ананьев выделяет еще две задачи преподавания психологии в средней школе:

- *формирование у учащихся способности понимать других людей, их индивидуальное своеобразие и, опираясь на это, правильно строить с ними отношения.* Он отметил, что «усвоение психологических знаний поднимает на уровень теоретического научного знания отношения молодого человека к другим людям, вооружает его средствами познания людей и их индивидуальных особенностей... Познание других людей, возможность разобраться в мотивах их деятельности, способностях, в интересах, склонностях, чертах характера, умение индивидуально подойти к человеку - ко всему этому в известной мере должна теоретически подготовить учащихся

психология» [1, с. 7]. Необходимо также раскрывать перед учениками различные сферы применения психологии – в области воспитания, образования, труда, искусства, спорта, военного дела и т.д.

- *формирование самосознания учащихся, их способности к саморегуляции и саморазвитию*. Б.Г. Ананьев подчеркивал, что «сознательное усвоение психологических знаний учащимися неизбежно влияет на рост самосознания молодых людей, способствует овладению ими собственными нервно-психическими процессами и действиями... Учащиеся должны приучаться не только к анализу собственных психических процессов и индивидуальных качеств, но и к активному воздействию на них с целью развития в себе ценных качеств ума, воли и характера» [1, с. 8]. Он считал, что усвоение знаний о закономерностях памяти, речи, внимания, мышления приведут учащихся к самостоятельной сознательной работе над собой и, в конце концов, станет «жизненно важной проблемой для молодого человека в результате сознательного усвоения им психологических знаний. Эта работа должна быть самым существом курса психологии...» [1, с. 9].

Обозначение такой задачи, как *индивидуальный подход к людям*, было в то время необычным, новым. Об этом не было сказано никем из авторов многочисленных методических статей. Своевременностью и адресной точностью отличается третья задача – *самовоспитание*. Как известно, именно в подростковом возрасте человек испытывает к себе глубокий интерес, смешанный с самокритичным отношением, и именно в это время ему предоставляются как раз те знания, овладев которыми, он может совершенствоваться.

Ю.А. Самарин, возглавлявший работу над методикой преподавания психологии в Ленинградском филиале Академии педагогических наук, также особо отметил воспитательную задачу нового учебного предмета «как задачу воспитания характера учащихся, путем разъяснения закономерностей развития психических процессов и свойств личности и раскрытия путем воспитания в себе необходимых качеств советского человека», взаимосвязанных между собой, «ибо коммунистическое мировоззрение предъявляет требования к характеру советского человека и в свою очередь воспитание характера основано на выработке стойких убеждений в... на формировании коммунистического мировоззрения» [24, с. 12]. В связи с этим учитель должен показать «моральную сторону лучших людей человечества, ...благородный облик советского человека» [24, с. 17] на примерах главных героев советской литературы таких, как Олег Кошевой, Павка Корчагин, летчик Мересьев и др., а также дать «некоторые практические указания о том, как работать над

развитием своих способностей, как воспитывать свою волю и характер, как управлять своим вниманием и памятью, как овладеть собой» [24, с. 20].

В методической литературе по психологии для школ 1940-50-х гг. хорошо видны приметы того времени: дети с оккупированных территорий могли воспринять чуждую идеологию, поэтому была необходима контрпропаганда; потеря научных ресурсов СССР в годы войны (из научных учреждений, оказавшихся в зоне временной оккупации или в районах, близких к фронту, пострадали треть от общего довоенного числа научных учреждений, полностью или частично были разрушены 334 вуза) требовала восполнения; логика вскоре развернувшейся «холодной войны», основной идеологический и пропагандистский пресс которой был направлен на собственное население. Все это происходило на фоне известных послевоенных изменений в СССР: «После Второй мировой войны советскому руководству было значительно сложнее контролировать ментальность советских граждан. Хотя аппарат цензуры оставался в силе, слишком много людей познали жизнь за пределами Советского Союза, чтобы советские нормы оставались единственными нормами, а советский образ жизни – лучшим. Саму войну нельзя было уместить в границах отечества (российского или же советского) – она затронула слишком много других людей и ее последствия сформировали не только страну, но и весь мир» [26, с. 447]. «Во время войны советскую власть стало представлять не только репрессивное государство. Ее теперь олицетворяли и солдаты. Миллионы солдат вырвались из-под повседневной опеки партийного аппарата, они привыкли, что никакое дело не двигается, если не взять его в свои руки. С какой же стати им было славить за то, чего достигли они сами, партию и ее вождя? Они побывали завоевателями за границей и собственными глазами видели, что даже побежденные живут лучше победителей. Никакая ложь не могла их теперь убедить в превосходстве их государственного и общественного строя. ... Режим чувствовал, что потеряет контроль над ситуацией, если не пресечет в корне протесты и сопротивление. Никто лучше Сталина не видел необходимость закрыть шлюзы, откуда изливалась критика. Солдаты и офицеры надеялись, что режим вознаградит их за службу отечеству и будет обращаться с ними как со взрослыми, зрелыми людьми. Но Сталин и помыслить не мог о подобном компромиссе. Тот, кто показывает слабость, ставит на карту свою власть. Благодарить за исход войны должны его одного. Победу надо воспевать не как жертву народа, а как великое деяние вождя. Подданные не покорились бы добровольно. Поэтому режим и после войны продолжал прибегать к насилию, дабы сделать послушными людей, не желавших перед ним склоняться» [3, с. 344]. Победа в войне породила в народе

надежды на лучшую жизнь, на изменения, в первую очередь, на ослабление давления государства на личность, но оказалось, что созданная И.В. Сталиным система еще более окрепла, что выразилось в новом витке репрессий, «Ленинградском деле», кампании по борьбе с «космополитами», жесткой критике творческой интеллигенции, восстановлении «железного занавеса» и т.д. – все это было направлено на взрослых, чтобы вернуть им довоенное состояние страха. Философ и культуролог Г.С. Померанц, вспоминая то время, писал о своем ощущении рухнувшей воли, «словно потерял костяк и остался мешком с паклей» [21, с. 130]. Он замечает, что подобное чувствовали и другие: «многие демобилизованные солдаты и офицеры потеряли тогда упругость воли, нажитую на войне, и стали как тряпка, как ветошка, которыми можно вытирать пол. <...> кажется, в 47-м перестали платить орденские деньги (очень скромные) и отменено было право бесплатного проезда на трамвае. Этим даже внешне, официально была подведена черта... Вы воображали себя чем-то? Вы – ничто, вы значите что-то только после единицы, после Сталина. Три мертвых года после войны. Я тогда ужасно много спал. Словно хотел совсем заснуть и не проснуться» [21, с. 130].

На школьников же обрушивалась советское образование, начиненное деятельной пропагандой; уроки психологии не были здесь исключением.

Но хорошее все же было, и историк культуры М.Л. Майофис, показывая значимость периода 1944-1950 гг. в истории послевоенного среднего образования, установила его «непосредственную связь с образовательными инновациями 1960-1970-х г., обеспечивших лучшие достижения советской и постсоветской школы 1980-2010-х гг.» [16, с. 37], куда относятся: введение самостоятельной работы школьников, возникновение интереса к американской педагогике, введение 11-го педагогического класса, «изобретение» индивидуального подхода. Сюда, как нельзя лучше, вписывается и преподавание психологии в старших классах.

В целом можно говорить о том, что история преподавания психологии в отечественных школах в середине XX в. пока представляет собой terra incognita, лишь отдельные ее фрагменты медленно проступают сквозь толщу идеологии. Нагружать идеологией учебную дисциплину – плохая идея, но почему бы старшеклассникам не открыть путь к познанию себя...

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г. О воспитательных задачах преподавания психологии / В помощь преподавателю психологии в средней школе. Сборник методических материалов. Под ред. члена-корр. АПН проф. Б.Г. Ананьева. Л., 1948. 108 с. С. 3-10.
2. Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20–22 октября 2015 г. / отв. ред. В.М. Аллахвердов. СПб.: СПбГУ, Скифия-принт, 2015. 396 с.
3. Баберовски Й. Выжженная земля: Сталинское царство насилия. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 487 с.
4. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в 40-е гг. // Философия не кончается. Из истории отечественной философии: XX век, 20-50-е гг. М.: РОССПЭН, 1998. 719 с.
5. Бирюков Б.Б. Трудные времена философии: отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные и первые послевоенные годы. М.: Ком Книга, 2006. 160 с.
6. Богуславский М.В. XX век российского образования. М.: ПЕР СЭ, 2002. 336 с.
7. Георгиев Ф.И. О взаимоотношении логики и психологии // Советская педагогика. 1942. № 11-12. С. 37-41.
8. Дети эмиграции: Воспоминания. Сборник статей / под ред. проф. В.В. Зеньковского. М.: Аграф, 2001. 256 с.
9. Каничева Р.А., Ярмоленко А.В. Ленинградские психологи в годы войны // Психологический журнал. 1985. № 6. С. 3-7.
10. Кобзарь В.И. Очерк истории логики в России // Логика. Библиографический справочник (Россия-СССР-Россия). СПб.: Наука, 2001. 488 с. С. 10-13.
11. Колбановский В. Об изучении психологии и логики // Народное образование. 1947. № 3. С. 21-30.
12. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М.: Московский гуманитарный университет, Институт психологии РАН, 2006.
13. Корнилов К.Н. О преподавании психологии в средней школе // Советская педагогика. 1943. № 8-9. С. 17-19.
14. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколов Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.
15. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Издательство Московского университета, 2001. 240 с.

16. Майофис М. Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени / Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е): Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с. С. 35-106.
17. Нечаев А. Как преподавать психологию? Методические указания для учителей средних учебных заведений. СПб., 1911. 72 с.
18. Носкова О.Г. История психологии труда в России. (1917-1957). Учеб. пособие / Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд. Моск ун-та, 1997. 334 с.
19. Носкова О.Г. Психология труда. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 384 с.
20. О преподавании психологии в средней школе: методическое письмо МП РСФСР. М: Учпедгиз, 1949. 63 с.
21. Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 464 с.
22. Рамуль К.А. О преподавании психологии в средней школе // Советская педагогика. 1941. № 4. С. 100-104.
23. Рыбников Н.А. Преподавание психологии в средней школе // Советская педагогика. 1940. № 8. С. 91-99.
24. Самарин Ю.А. О задачах и методике преподавания психологии / В помощь преподавателю психологии в средней школе. Сборник методических материалов. Под ред. члена-корр. АПН проф. Б.Г. Ананьева. Л., 1948. 108 с. С. 11-38.
25. Складорова Е.К., Камалова О.Н., Гутиева М.А., Карташев А.В. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Под ред. Е.В. Харламова, Л.В. Жарова. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2016. 122 с.
26. Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. К.: Дуліби, 2015. 584 с.
27. Стоюхина Н.Ю. Б.Г. Ананьев о месте и значении психологии как учебного предмета в школе / Ананьевские чтения – 2007: Материалы научно-практической конференции / Под ред. Л.А. Цветковой. СПб: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 358-359.
28. Стоюхина Н.Ю. Возвращение психологии в отечественную школу (40-50-е гг. XX ст.): историко-психологический контекст // Психология и школа. 2009. № 4. С. 84-90.

29. Стоюхина Н.Ю. Из истории преподавания психологии в советской школе: уроки психологии как элемент гражданской идентичности школьников в СССР // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы восьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М.В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 200 с.
30. Стоюхина Н.Ю. К 60-летию выхода статьи Б.Г. Ананьева «о воспитательных задачах преподавания психологии» / Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 603 с. С. 98-103.
31. Стоюхина Н.Ю. Методика преподавания психологии: история, теория, практика: Учебное пособие. М.: Флинта, 2009. – 184 с.
32. Стоюхина Н.Ю. О причинах возобновления уроков психологии после Великой Отечественной войны: история и предположения // Вестник Университета Российской Академии образования. 2008. № 3. С. 129-132.
33. Стоюхина Н.Ю. Преподавание психологии в системе отечественного образования: история и современность. Монография. Н. Новгород: Нижегородский институт экономического развития, 2005. 306 с.
34. Стоюхина Н.Ю. Преподавание психологии в школе: Россия, XX век. Хрестоматия. Нижний Новгород: Нижегородский институт экономического развития, 2004. 314 с.
35. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. монография. Ярославль: РИО: ЯГПУ, 2016. 429 с.
36. Стоюхина Н.Ю. Психотехники в 1936 г.: новые факты // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. Вып. 2. М.: АСОУ, 2018. 955 с. С. 525-536.
37. Стоюхина Н.Ю., Вакуленко Р.Я., Проскуликова Л.Н. Психология в послевоенной школе в СССР как элемент гражданской идентичности учащихся // Вестник Мининского университета. 2016. № 4. С. 1-15.
38. Ярошевский М.Г. Психология и логика в средней школе // Народное образование. 1949. № 5. С. 8-14.

References:

1. Anan'ev B.G. O vospitatel'nykh zadachakh prepodavaniya psikhologii / V pomoshch' prepodavatelyu psikhologii v srednei shkole. Sbornik

- metodicheskikh materialov. Pod red. chlena-korr. APN prof. B.G. Anan'eva. L., 1948. 108 s. S. 3-10.
2. Anan'evskie chteniya – 2015: Fundamental'nye problemy psikhologii: materialy nauchnoi konferentsii, 20–22 oktyabrya 2015 g. / otv. red. V.M. Allakhverdiv. SPb.: SPbGU, Skifiya-print, 2015. 396 s.
 3. Baberovski I. Vyzhzhennaya zemlya: Stalinskoe tsarstvo nasiliya. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 487 s.
 4. Batygin G.S., Devyatko I.F. Sovetskoe filosofskoe soobshchestvo v 40-e gg. // Filosofiya ne konchaetsya. Iz istorii otechestvennoi filosofii: XX vek, 20-50-e gg. M.: ROSSPEN, 1998. 719 s.
 5. Biryukov B.B. Trudnye vremena filosofii: otechestvennaya istoricheskaya, filosofskaya i logicheskaya mysl' v predvoennye i pervye poslevoennye gody. M.: Kom Kniga, 2006. 160 s.
 6. Boguslavskii M.V. XX vek rossiiskogo obrazovaniya. M.: PER SE, 2002. 336 s.
 7. Georgiev F.I. O vzaimootnoshenii logiki i psikhologii // Sovetskaya pedagogika. 1942. № 11-12. S. 37-41.
 8. Deti emigratsii: Vospominaniya. Sbornik statei / pod red. prof. V.V. Zen'kovskogo. M.: Agraf, 2001. 256 s.
 9. Kanicheva R.A., Yarmolenko A.V. Leningradskie psikhologi v gody voyny // Psikhologicheskii zhurnal. 1985. № 6. S. 3-7.
 10. Kobzar' V.I. Ocherk istorii logiki v Rossii // Logika. Bibliograficheskii spravochnik (Rossiya-SSSR-Rossiya). SPb.: Nauka, 2001. 488 s. S. 10-13.
 11. Kolbanovskii V. Ob izuchenii psikhologii i logiki // Narodnoe obrazovanie. 1947. № 3. S. 21-30.
 12. Kol'tsova V.A., Oleinik Yu.N. Sovetskaya psikhologicheskaya nauka v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1945). M.: Moskovskii gumanitarnyi universitet, Institut psikhologii RAN, 2006.
 13. Kornilov K.N. O prepodavanii psikhologii v srednei shkole // Sovetskaya pedagogika. 1943. № 8-9. S. 17-19.
 14. Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolov E.E. Aleksei Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'. M.: Smysl, 2005. 431 s.
 15. Luriya A.R. Etapy proidennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya. Pod red. E.D. Khomskoi. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 240 s.
 16. Maiofis M. Predvestiya «ottepeli» v sovetskoj shkol'noi politike pozdnestalinskogo vremeni / Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940-1980-e): Kollektivnaya monografiya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 720 s. S. 35-106.

17. Nechaev A. Kak prepodavat' psikhologiyu? Metodicheskie ukazaniya dlya uchitelei srednikh uchebnykh zavedenii. SPb., 1911. 72 s.
18. Noskova O.G. Istoriya psikhologii truda v Rossii. (1917-1957). Ucheb. posobie / Pod red. E.A. Klimova. M.: Izd. Mosk un-ta, 1997. 334 s.
19. Noskova O.G. Psikhologiya truda. Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / Pod red. E.A. Klimova. M.: Izd. tsentr «Akademiya», 2004. 384 s.
20. O prepodavanii psikhologii v srednei shkole: metodicheskoe pis'mo MP RSFSR. M: Uchpedgiz, 1949. 63 s.
21. Pomerants G.S. Zapiski gadkogo utenka. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 464 s.
22. Ramul' K.A. O prepodavanii psikhologii v srednei shkole // Sovetskaya pedagogika. 1941. № 4. S. 100-104.
23. Rybnikov N.A. Prepodavanie psikhologii v srednei shkole // Sovetskaya pedagogika. 1940. № 8. S. 91-99.
24. Samarin Yu.A. O zadachakh i metodike prepodavaniya psikhologii / V pomoshch' prepodavatelyu psikhologii v srednei shkole. Sbornik metodicheskikh materialov. Pod red. chlena-korr. APN prof. B.G. Anan'eva. L., 1948. 108 s. S. 11-38.
25. Sklyarova E.K., Kamalova O.N., Gutieva M.A., Kartashev A.V. Vuzy Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny / Pod red. E.V. Kharlamova, L.V. Zharova. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh YuFU APSN, 2016. 122 s.
26. Snaider T. Krovavye zemli: Evropa mezhdru Gitlerom i Stalinym. K.: Dulibi, 2015. 584 s.
27. Stoyukhina N.Yu. B.G. Anan'ev o meste i znachenii psikhologii kak uchebnogo predmeta v shkole / Anan'evskie chteniya – 2007: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii / Pod red. L.A. Tsvetkovoii. SPb: Izd-vo SPbGU, 2007. S. 358-359.
28. Stoyukhina N.Yu. Vozvrashchenie psikhologii v otechestvennyuyu shkolu (40-50-e gg. KhKh st.): istoriko-psikhologicheskii kontekst // Psikhologiya i shkola. 2009. № 4. S. 84-90.
29. Stoyukhina N.Yu. Iz istorii prepodavaniya psikhologii v sovetskoii shkole: uroki psikhologii kak element grazhdanskoii identichnosti shkol'nikov v SSSR // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyakh modernizatsii: materialy vos'moi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) / pod nauch. red. M.V. Novikova. Yaroslavl': RIO YaGPU, 2016. 200 s.
30. Stoyukhina N.Yu. K 60-letiyu vykhoda stat'i B.G. Anan'eva «o vospitatel'nykh zadachakh prepodavaniya psikhologii» / Metodologiya kompleksnogo

- chelovekoznaniya i sovremennaya psikhologiya / Otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2008. 603 s. S. 98-103.
31. Stoyukhina N.Yu. Metodika prepodavaniya psikhologii: istoriya, teoriya, praktika: Uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2009. – 184 s.
 32. Stoyukhina N.Yu. O prichinakh vozobnovleniya urokov psikhologii posle Velikoi Otechestvennoi voyny: istoriya i predpolozheniya // Vestnik Universiteta Rossiiskoi Akademii obrazovaniya. 2008. № 3. S. 129-132.
 33. Stoyukhina N.Yu. Prepodavanie psikhologii v sisteme otechestvennogo obrazovaniya: istoriya i sovremennost'. Monografiya. N. Novgorod: Nizhegorodskii institut ekonomicheskogo razvitiya, 2005. 306 s.
 34. Stoyukhina N.Yu. Prepodavanie psikhologii v shkole: Rossiya, KhKh vek. Khrestomatiya. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii institut ekonomicheskogo razvitiya, 2004. 314 s.
 35. Stoyukhina N.Yu. Psikhologiya vozdeistviya v sovetskoj psikhotekhnike: 1920-1930-e gg. monografiya. Yaroslavl': RIO: YaGPU, 2016. 429 s.
 36. Stoyukhina N.Yu. Psikhotekhniki v 1936 g.: novye fakty // Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii. Vyp. 2. M.: ASOU, 2018. 955 s. S. 525-536.
 37. Stoyukhina N.Yu., Vakulenko R.Ya., Proskulikova L.N. Psikhologiya v poslevoennoi shkole v SSSR kak element grazhdanskoj identichnosti uchashchikhsya // Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. № 4. S. 1-15.
 38. Yaroshevskii M.G. Psikhologiya i logika v srednei shkole // Narodnoe obrazovanie. 1949. № 5. S. 8-14.

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2018
№ 3
70 с.
3,5 п.л.

ISSN 2415-7953